

Петров

День ВСКР

Комедия в семи эпизодах для крепостного театра

*Его Сиятельству князю
Павлу Ивановичу Гагарину
с глубочайшим почтением
и преданностью посвящает
Петров эту Пьесу.*

Ваше Сиятельство!

Пьеса без посвящения — неполная пьеса. Наш век — век особенно неполноценный не радуется литературными посвящениями, а если они и появляются, то состоят всего из нескольких строк, а то и букв. Вот я решил хоть сколь-нибудь заполнить этот пробел, посвятив эту Пьесу Вам, досточтимый Павел Иванович, а в Вашем лице всему Славному Роду Гагариных.

Величайший Драматург Христианского периода Жизни Человечества Уильям Шекспир, следуя мысли Древних, написал:

Весь мир — театр.
В нем женщины, мужчины — все актеры.
У них свои есть выходы, уходы,
И каждый не одну играет роль.
Семь действий в пьесе той...

Взяться за перо меня побудило... Хотя в наше время, Ваше Сиятельство, в основном пишут не перьями, а с помощью особых устройств — Компьютеров. Что это, спросите Вы? Ваше Сиятельство, наверное, изволили видеть буквопечатающий Телеграф Якоби... Я также набираю текст на Компьютере с помощью кнопочек, на которых нанесены буквы. Нажатия этих кнопочек превращаются в электрические импульсы, а потом эти импульсы преобразуются в буквы с помощью устройства навроде *Laterna Magica* или же на бумаге в любом конце Земли... Вжик, и готово посвящение или некролог. Как Вам это понравится?! Ведь Театр так же мало отличается от Жизни, как трагедия от комедии или некролог от посвящения.

Ваша безграничная любовь к Театру и деятельность на театральном поприще, унаследованные Вами от почтеннейшего батюшки Вашего — князя Ивана Алексеевича Гагарина и его несравненной супруги Екатерины Семеновны Семеновой, которая составила славу Русской сцене, но еще недостаточно оценена потомками, вызывают восхищение. Поэтому я посчитал своим долгом внести свой небольшой вклад, перенеся некоторые моменты из жизни Гагариных на современную Сцену, а также присовокупив несколько новых Персонажей, которые, смею Вас уверить, почитают Ваше Сиятельство не менее меня.

Зная от разных людей, о Вашей душевной Доброте и Снисходительности, Вы, смею смиренно надеяться, благосклонно отнесетесь к моему опусу и доставите мне честь и удовольствие, ознакомившись с Пьесой, отдать распоряжение поставить ее на сцене Вашего знаменитого крепостного театра «Ил театрино Гагарини».

Верный Вашему Сиятельству,
слуга *Петров*

Эпизоды

1. Каталогная Румянцевского Музея
2. Сцена из Дидерота
3. Вселенское дело
4. Камера №16
5. Марсианская станция
6. Московская гостиная
7. Федоровский семинар

Пьеса содержит сцены употребления алкогольных напитков и табачных изделий.
Алкоголь, табак и пьесы Петрова наносят непоправимый вред здоровью. 221+

Действующие лица (сокращенный список)

- Император Всероссийский, Царь Константинопольский, Великий Князь Иерусалимский, Марсианский и прочая, и прочая, и прочая.
- Власть, опирающаяся на фации, скульптура, приписывая Фальконету.
- Гагарин 1-й (Сергей Сергеевич), князь.
- Гагарин 2-й (Иван Алексеевич), князь.
- Гагарин 3-й (Павел Иванович), князь под опекой.
- Гачев 1-й (Дмитрий Иванович), филолог, театровед.
- Гачев 2-й (Георгий Дмитриевич), культуролог, мыслитель.
- Гачева 2-я (Анастасия Георгиевна), филолог, продолжатель дела Н.Ф. Федорова.
- Дидерот, философ, лягушатник.
- Добродка (русская душою).
- Ефремов Михаил Олегович, народный артист Российской Империи (в пьесе пока не участвует).
- Калифалкжерстонъ, граф-обманщик, именуемый также Калиостро.
- Каменная баба 1-я, около 2000 лет.
- Каменная баба 2-я, около 1600 лет.
- Капитан-командор Первой Императорской Марсианской Станции (ПИМС).
- Ленский 1-й (Дмитрий Тимофеевич), актер, драматург.
- Ленский 2 -й (Александр Павлович), актер, режиссер.
- Ленский 3-й (Анатолий Павлович), актер.
- Медная бабушка, скульптура Екатерины II, лет 200.
- Некрасова Екатерина Степановна, знакомая Н.Ф. Федорова, девица.
- Петров, дворовый человек кн. Гагарина, капельдинер, секретарь суда и прочая, и прочая, и прочая.
- Посетитель, зритель, смотрящий, гость и прочие персонажи без имени, но со словами.
- Пометкин-Нахтигальский (из каждого утюга).
- Семенова 1-я (Екатерина Семеновна), актриса.
- Семенова 2-я (Нимфодора Семеновна), актриса, певица.
- Семенова 3-я (Светлана Григорьевна), она же, Гачева 1-я, литературовед, продолжатель дела Н.Ф. Федорова.
- Судия.
- Сухово-Кобылин Александр Васильевич, владелец водочного завода, убийца.
- Толстой Лев Николаевич, писатель без слов.
- Хлебников Велимир, Председатель Земного Шара.
- Фальконет, скульптор, лягушатник.
- Федор Михайлович Достоевский, каторжанин.

Служащие и посетители библиотеки Румянцевского музея, артисты и зрители крепостного театра, приговоренные к смерти, обитатели ПИМС, завсегдаи московских гостиных и другие оборотни, слушатели Федоровского семинара.

Каталожная

Каталожная библиотеки Московского и Румянцевского музея, поздний вечер. На стене портрет Николая Федоровича Федорова с траурной лентой. В углу каменная баба. Посредине комнаты большой стол персон на 30. На месте, где должен быть прибор Федорова, стоит стакан чая, накрытый баранкой. Рядом на табуретке сидит Библиотекарь Петров. В каталожную врывается Посетитель.

Посетитель (*недоуменно осматривается, раздраженно*). Что происходит? Могу я видеть Федорова? Что тут делает Петров?

Библиотекарь. 15 декабря 1903 года по-старому стилю Николай Федорович Федоров скончался (*Начинает звучать траурная мелодия.*) Вот и поминаем «идеального библиотекаря» в его любимой каталожной библиотеки Императорского Московского и Румянцевского музеума, где он служил 25 лет. А я, так сказать, ведаю поминальной церемонией... Впрочем, каждый библиотекарь, по сути, — распорядитель царства мертвых.

Посетитель. Не увливайтесь. Что значит скончался? Федоров не имел права это сделать. Разве так можно — взять и внезапно умереть? Он мне денег должен с очередного жалованья выдать, я же его, как он сам называл, — «пансионер».

Библиотекарь. Вы на похороны в Скорбященский монастырь приходите, может и получите, что полагается.

Посетитель. Нет у меня времени по кладбищам шляться. Вы еще предложите подождать, пока Федоров воскреснет.

Библиотекарь. Не волнуйтесь, чайку с баранками попейте, как Николай Федорович любит... любил.

Посетитель. Тут такое, горе, а вы мне чай. Водки нет?

Библиотекарь. Имеется. «Кобылинка» — одна из лучших российских водок. Ее нам презентовал Александр Васильевич Сухово-Кобылин, замечательный драматург. Он скоро к нам вернется.

Посетитель. Какой он драматург не знаю. А что французку-полюбовницу свою зверски убил, это каждая гимназистка знает.

Библиотекарь. Но вина же его не доказана.

Посетитель. Доказана, не доказана, не играет роли. У нас не судьи, а какие-то матери-терезы, так и норовят душегуба оправдать... И, вообще, хватит мне зубы заговаривать, наливай этой «Кобылинки» на помин душу раба божия Федора. (*Выпивает.*) Ух, забористая!

Библиотекарь. Александр Васильевич всегда со своей водкой приезжает, он ее очищает особым механическим способом без применения химии.

Посетитель. Со своей водкой, говоришь? Хорошо хоть, не со своим гробом (*смеется собственной шутке*).

Библиотекарь. Грешно, сударь, смеяться над человеком, столько пережившим и недавно скончавшимся.

Посетитель. Пережившим? Ну ты сам посуди. Вот Федоров умер в бедности и холоде в Москве. А Сухово-Кобылин — в неге и тепле на Лазурном берегу. Кстати, Федоров перед смертью исповедовался? Что говорил?

Библиотекарь. У него было воспаление легких, высокая температура. Все шептал неразборчиво в бреду: «День ВСКР... День ВСКР».

Звонит телефонный аппарат. Библиотекарь снимает трубку.

Библиотекарь. Так, записываю... Молния, сверхсрочная: «Рождением и жизнью Федорова оправдано тысячелетнее существование России. Теперь ни у кого на земном шаре не

повернется язык упрекнуть нас, что мы не бросили векам ни мысли плодovitой, ни гением начатого труда.... Подпись: А.Л. Волынский».

Посетитель. А что-то народу на поминках маловато — ни живчиков, ни мертвяков не видать?

Библиотекарь. С утра населения было много, — тысячи четыре. Все, о ком писал и кого знал Федоров и те, кто помнит о нем. Да почти все уже разошлись. Живые — по домам, мертвые — по могилам, а еще не родившиеся — даже не знаю куда. А вы сами-то чьих будете? Из тех или из этих?

Посетитель. Сам не пойму. Без поллитры не разберешь, наливай еще!.. *(Выпивает.)* Хорошо зашла!.. А что за контингент был на поминках?

Библиотекарь. Самый разный — от праотца Адама до домовладельца Жеребцова. Философы заходили: Кант, Гегель, Ницше, Соловьев... *(Поет).*

Я мысленно вхожу в ваш кабинет...
Здесь те, кто был, и те, кого уж нет,
Но чья для нас не умерла химера,
И бьется сердце, взятое в их плен...
Бодлера лик, нормандский ус Флобера,
Скептический Франс, Святой Сатир — Верлен,
Кузнец — Бальзак, чеканщики — Гонкуры...
Их лица терпкие и четкие фигуры
Глядят со стен, и спят в сафьянах книг.
Их дух, их мысль, их ритм, их бунт, их крик...
Я верен им... но более глубоко
Волнует эхо здесь звучавших слов...
К вам приходил Владимир Соловьев,
И голова библейского пророка —
К ней шел бы крест, верблюжий мех у чресл —
Склонялась на обшивку этих кресл...

Посетитель. Вона сколько дармоедов. Это ж сколько водки ушло?

Библиотекарь. Много. Много кого было... Замучились пропуска выписывать. Вот входит какой-нибудь Дидерот в Библиотеку, у них служитель читательский билет спрашивает. А тот лишь глаза как лягушка тарацит, ну откуда у Дидерота читательский билет Ленинки?

Посетитель. Простейшую логистику на похоронах организовать не могут, а о всеобщей регуляции и воскрешении рассуждают! Кстати, а где же любимые верные ученики Федорова? Они все парой ходили... как их там?

Библиотекарь. Кожевников и Петерсон. Они бумаги Николая Федоровича разбирают, готовят издание его трудов «Философия общего дела».

Посетитель. Понятно.

Звонит телефонный аппарат. Библиотекарь снимает трубку.

Библиотекарь. Так, записываю... Молния, сверхсрочная: «Прибываю поминки сегодня. До свиданья, друг мой, до свиданья... В этой жизни умирать не ново, Но и жить, конечно, не новей. Любящий тебя С. Е., гостиница Англетер, номер 5».

Библиотекарь. Этот новоиспеченный, а другие литераторы?

Библиотекарь. А как же, я же о них и пел, много французов. Но в первых рядах граф Лев Николаевич Толстой и Федор Михайлович Достоевский... Граф сам на кобыле приехал.

Посетитель. На кобыле в библиотеку? Ну надо же. И сам Достоевский?

Библиотекарь. Да он еще здесь. Они сейчас с госпожой Некрасовой на смотровой площадке Музея курят, прямо напротив стен Кремля. Там с ними еще какой-то писатель — из молодых, но уже почти наш.

Посетитель. Что именно курят?

Библиотекарь. Вы с какой целью интересуетесь?

Посетитель. Мне, как начинающему драматургу, чрезвычайно интересно.

Библиотекарь. Извольте, Федор Михайлович предпочитает табаки Саатчи и Мангуби или Лаферм. В музее Достоевского хранится коробочка с папиросами, набитыми курительным табаком Товарищества «Лаферм», на которой одиннадцатилетняя дочь писателя Люба сделала запись: «28 января 1881 г. умер папа».

Посетитель. В любви детей залог счастья родителей, а курение вредно для здоровья.

Вылезает Сухово-Кобылин в белом фраке.

Библиотекарь. А вот и Александр Васильевич Сухово-Кобылин.

Посетитель. Явился, не запыхался. И как это ему удастся — полгода в земле пролежал, а на фраке ни пятнышка?

Сухово-Кобылин. Прошу извинить господу, задержался в Комнате людей 40-х годов, все никак не мог закончить разговор с Герценом и Огаревым. Как хорошо сказал Александр Иванович: «Театр — высшая инстанция для решения жизненных вопросов».

Посетитель. Что за комната такая?

Библиотекарь. Первый в России музей общественного движения, собиравший и представлявший историю русской литературы и российской эмиграции. Создан по инициативе Екатерины Степановны Некрасовой, доброй знакомой Федорова.

Посетитель. Совсем людям делать нечего, с жиру бесятся. Это ж сколько пенсий можно было бы выплатить с 40-х годов... (Сухово-Кобылину.) Водки еще принес?

Сухово-Кобылин. Верите, всю водку Николай Платонович Огарев выпил. По старой привычке.

Вылезет Достоевский.

Достоевский. Здравствуйте, господу.

Посетитель. Здорово, Бобок! А почему без дамы?

Достоевский. Видите ли, Екатерина Семеновна только что получила последнее письмо от Федорова... Как только придет в себя, обязательно к нам присоединится... А вот и она.

Вылезает Некрасова, вся в слезах.

Некрасова. Господу! Вот последнее письмо Николая Федоровича. Оно датировано 4 декабря 1903 года и адресовано мне.

Глубокоуважаемая Екатерина Степановна!

В прилагаемом при сем «Указателе Материалов по Истории почт в России», может быть, найдутся нужные для Вас сведения. Лучше же всего посмотрите недавно изданное к столетию Учреждения Министерства сочинение под названием «Министерство Внутренних Дел» 1802-1902 год. В 3-ей части есть особый отдел Почта и телеграф. Отдел 1-й Почта (123 страницы в большой лист). Тут и формы подорожных, рисунки почтовых экипажей того времени, почтовых станций...

Свидетельствую мое глубочайшее почтение Анне Степановне.

Готовый к услугам

Н. Федоров.

Посетитель (Достоевскому). А почему Анечки нет?

Библиотекарь. Анна Григорьевна Достоевская ищет к Рождеству деревянную лошадку для Феденьки.

Посетитель. Не поздно ли Федору Михайловичу на деревянных лошадках кататься? Почти 60 годков уже. Да и, почитай, 20 лет как в могиле. Ха-ха.

Библиотекарь. Это младшенькому ихнему, Федору Федоровичу.

Посетитель. Да уж, семейка... Впрочем, хорошо хоть такая, а у Федорова вообще ни жены, ни детей не было и, наверное, не будет...

Библиотекарь. Не будет. Ибо сказано: «в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как Ангелы Божии на небесах».

Достоевский. Без дам как-то скучно, особенно на небесах и на поминках.

Посетитель. Совершенно согласен. Без дам скучно, хотя бы госпожу Гачеву позвали.

Сухово-Кобылин. Матушку или дочку?

Достоевский. Обе недурны-с.

Посетитель. А как по мне, после четверти литра все бабы красавицы, даже каменные.

Библиотекарь. Да уж.

Посетитель. И блэкджека в Царствие небесном не будет?

Достоевский. Раз уж и тут дам почти нету, не сыграть ли нам здесь по маленькой?

Сухово-Кобылин. А почему бы и нет?

Библиотекарь. Не кощунствуйте, господа, играть в карты в библиотеке — святилище знания, да еще за столом, где работал Федоров!

Посетитель. В 90-х собирались же в Доме Пашкова казино открывать... Правда, я по маленькой не играю. Не одолжит ли кто пять тысяч рублей? Верите ли с чемоданами в библиотеку вход воспрещен, а у меня с собой как раз был чемодан ассигнаций. Пришлось оставить в гардеробной.

Все молчат.

Вижу, тут одно старичье собралось. А где же «Племя, младое, незнакомое!»? Манкирует, понимаешь, любовью к предкам и тягой к кладбищам?

Вылезает Председатель Земного Шара.

Председатель Земного Шара. Велимир Хлебников, поэт, Председатель Земного Шара.

Посетитель. А вот и молодежь повывезала.

Библиотекарь. Где изволите почивать?

Посетитель. В земле-матушке. Разве по трупным пятнам не видно? Хи-хи.

Председатель Земного Шара. На две могилки живу-с. На деревенском погосте в Ручьях и на Новодевичьем — 8 участок, 6 ряд. Аккурат под каменной бабой.

Посетитель. Поэт 6-го ряда. Даже Сухово-Кобылин и тот 2-го...

Все молчат.

Это, господа, каламбур, если кто не понял.

Библиотекарь. Под какой бабой? Как под нашей, музейской?

Председатель Земного Шара. Почти. Но моя поменьше и помоложе.

Посетитель (плотоядно). Хи-хи. Помоложе?

Председатель Земного Шара. Да, думаю, лет на четыреста.

Посетитель (напевает). «Журчат ручьи, звенят Ключи...».

Председатель Земного Шара. Собственно из-за этих своих могил и опоздал на похороны. Из двух могил труднее выбираться, знаете ли, да и прах дольше соединять.

Посетитель. Да уж, из-под бабы трудно выбраться, особенно, если каменная... Вот вам, юноша, сколько лет?

Председатель Земного Шара. Люди моей задачи умирают в 37. Таких, как я и совсем нет.

Посетитель. Можно сказать, молодые люди, а уже, расталкивая стариков, норовите занять могилу. Даже две. А потом повылезаете на свет божий, и сразу за стол, на все готовенькое... Не стыдно?

Председатель Земного Шара. Я люблю говорить с мертвыми.

Посетитель. Бабами?

Председатель Земного Шара. О, они, каменные бабы, — наши праматери и праотцы о многом могут рассказать, как считал Федоров. Хотя каменная баба нема, однако нельзя сказать, чтобы она ничего уже не говорила; так, она скажет, из местного камня вырублена или же нет; самая величина, форма, соотношение частей по сравнению с другими, ей подобными, говорят о происхождении, о племени. «Я, — могла бы сказать надпись на бабе, тюркского или монгольского происхождения, выходец из глубы Средней Азии, дальнего Востока, кочевал по Дону, на Воронеже или Хопре, грабил мирных земледельцев, умер (а может быть, — был убит), сыны насыпали курган на моем прахе; зарыв в землю и не видя меня, стосковались, и стали сыны и дочери молить и вопить, чтобы расступилась земля и я взглянул бы на них, моих детушек». Вот что думал Федоров о бабах.

Достоевский. Я почел бы его мысли как за свои!

Посетитель. А у вас, разве, есть собственные мысли, Федор Михайлович?

Достоевский. Милостивый государь! В изложении идей Федорова самое существенное, без сомнения, есть долг воскресенья преждеживших предков, долг, который, если б был восполнен, то остановил бы деторождение и наступило бы то, что обозначено в Евангелии и в Апокалипсисе воскресеньем первым. Мыслитель прямо и буквально представляет себе, как намекает религия, что воскресение будет реальное, личное, что пропасть, отделяющая нас от душ предков наших, засыплется, победится побежденною смертию, и они воскреснут не в сознании только нашем, не аллегорически, а действительно, лично, реально в телах. В сущности совершенно согласен с этими мыслями. Сегодня я прочел их Владимиру Соловьеву, молодому нашему философу, читающему теперь лекции о религии, лекции посещаемые чуть не тысячною толпою. Я нарочно ждал его, чтоб ему прочесть изложение идей мыслителя, так как нашел в его воззрении много сходного. Он глубоко сочувствует мыслителю и почти то же самое хотел читать в следующую свою лекцию.

Посетитель. Превращать поминки в лекцию или философский семинар, это, согласитесь, кощунство. Скука одна — ни песни, ни танцев... Экой зауми натащили. Предлагаю последний тост. За предков Федорова. Кто они, кстати?

Достоевский. Федоров — Гагарин, в своем роде.

Посетитель. И где же они, эти родственнички?

Библиотекарь. Из родни никто не пришел. Не смогли выбраться, так сказать, по семейным обстоятельствам.

Входят Ленские.

Хотя... Кое-кто добрался.

Ленский 1-й. Ленский, актер.

Ленский 2-й. Ленский, актер.

Ленский 3-й. Ленский, актер.

Ленский 2-й. Господа, я слышал тут принять приходите со своим. Вот захватил фонограф и фоновалик.

Включает фонограф.

Публика думает, что актеру сыграть пустую, бессодержательную роль только скучно и ничего больше. Жесткая ошибка! Это зритель только скучает и за вынесенную от спектакля скуку мстит автору шиканьем, которое тот приписывает артисту. Но если бы зритель, в продолжение

двух-трех часов пережил половину тех мук, какие испытывает актер на репетиции и в тиши своего кабинета, когда с бессильной злобой в душе он разбирается в дебрях этой беспросветной лжи и подыскивает для нее правдивые звуки и мимику, если бы зритель испытал на себе эту каторжную работу: насиловать свою мысль, заставлять себя любить то, что ненавистно, в чем видишь заведомую ложь, и изучать эту ложь затем, чтобы потом со сцены горячо выдавать ее за истину... Если бы зритель испытал половину... но что я говорю половину — десятую долю этих мучений, автор так дешево от него не отделался бы, и потом прежде, чем ставить свою пьесу, не раз задумался бы над вопросом: пускать или не пускать ее на сцену... Кому и какая была польза от этого или удовольствие? Никому, кроме назойливого, бездарного автора, а страдает и мучается не кто другой, как актер. «Молоть пустое — жернова сотрешь», говорит пословица. Грустно, но справедливо.

Посетитель. Парадокс.

Ленский 1-й. Господа, тут в связи с похоронами вспомнил анекдот. Как-то, проходя мимо Большого театра, где шла чуть не в сотый раз репетиция «Аскольдовой могилы», Ленский остановился с хористами, вышедшими во время антракта на театральный подъезд покурить.

— Что репетируете?

— Могилу.

— Которая же это у вас проба?

— Восемьдесят третья.

— Ну, значит, завтра вы будете дураки восемьдесят четвертой пробы.

Библиотекарь. Ну и кладбищенский юмор у вас...

Достоевский. А фонограф Ленского в федоровскую тему. Федоров считал, что музей, как собор исследователей, пользуясь музеем, как книжным собранием с его всестороннею иллюстрациею, воспроизводит из всех произведений их творцов, и в то же время снимает копии, и письменные, и живописные (портреты), и всякие другие этого рода, с оригиналов отходящего поколения, призвав к участию в этом деле и волны света (фотография), и звуковые волны (фонограф).

Посетитель. Кстати, насчет корпускулярно-волнового дуализма света. У меня с собой есть пара фотографических карточек... Такие, понимаете-ли, корпускулы, пальчики оближешь, да и дуализм так и выпирает волнами — просто музейный экспонат. Не желаете взглянуть? Отдам не дорого.

Достоевский. Посмотреть можно, а покупать точно не буду.

Посетитель. Так дела не делаются... Раз уж вспомнили Гагарина, давайте махнем к нему в театр — у него премьера какая-французская, что-то про отцов и детей. Там младая Семенова играет и Ленские.

Сухово-Кобылин. И то — дело.

Посетитель (Достоевскому). Но вот незадача. В театр, братец, еду; цепочка есть, а часов-то нет; одолжи.

Достоевский. Сам без часов остался. Представь себе, какие подлые эти немцы: купили у меня часы, с цепочкой (стоили мне 125 руб. по крайней цене), а дали мне всего 65 гульденов, т. е. 43 талера, то есть 2 1/2 в раза меньше.

Сухово-Кобылин. Берите мои, часы 200 рублей стоят. Верите ли, только по дружбе отдаю.

Посетитель. Вперед, зритель, в театр!

Сцена из Diderota

Рязанская губерния. Сцена крепостного театра кн. Гагарина.

На сцене обеденный стол персон на 30, рядом Медная бабушка и мраморная скульптура-аллегория «Власть».

На входе стоит Капельдинер, в зале спит одинокий Зритель.

За столом один Дидерот в старом халате тщетно пытается отрезать кусочек курицы.

Дидерот. Что за странное место! Да и вообще, странная история! Совсем недавно был в Ленинграде, беседовал с Государыней Императрицей Екатериной II и моим другом скульптором Фальконетом о потомках и бессмертии наших творений. Ночью перенесся в Москву по печальному поводу — кончины Николая Федоровича Федорова, этого «загадочного старика» — грезившего о сохранении памяти предков и всеобщем воскрешении. Он меня хоть и не поминал ни разу в своих трудах, я не мог не засвидетельствовать почтение его останкам. А потом получил письмо от князя Павла Ивановича Гагарина, страстного театрала, с просьбой помочь в постановке моих пьес «Побочный сын» и «Чадолюбивый отец» в его крепостном театре.

Капельдинер. Да, славен род Гагариных, месье Дидерот, — уже 28 колена от Рюрика — князя Новгородского, первого працаря нашего Отечества... Младшая ветвь рода князей Гагариных пошла от князя Ивана Михайловича Гагары, отца четырех сыновей: Семена Ивановича, Ивана Ивановича, Василия Ивановича и Андрея Ивановича. Трое младших бездетные, а у одного Семена Ивановича было четыре сына (XX колена): Иван Семенович, Федор Семенович, Семен Семенович, прозванием Ветчина, и Гавриил Семенович. Из них у Федора Семеновича было два сына: Семен и Афанасий Федоровичи и один сын у Семена Семеновича — Иван Семенович, бездетный...

Дидерот. Трудно ездить по России, но князь сообщил, что у него в гостях будет и болгарин Дмитрий Иванович Гачев, издавший на русском языке мои театральные опыты и штудии, а также книгу обо мне... И вот я в глухой русской провинции, в пустом театре, где никого нет, кроме меня и жареной курицы. Впрочем, есть еще капельдинер и зритель.

За сценой чуть слышны мелодия скрипки и звуки музыки.

Что за неподатливая курица, никак не могу отрезать ни кусочка. Да и черная вся — пережаренная... Впрочем, не до курицы, когда слышишь такую музыку, пусть и издали. До чего чудесно играет на скрипке князь и его оркестр... Любовь потомства напоминает звуки далекого концерта. Приятно слышать ночью раздающийся вдали концерт флейт, откуда доносятся лишь некоторые отдельные звуки; мое воображение схватывает эти звуки и сливает их в связный мотив. Думают, что концерт, исполняемый вблизи, представляет собою большую ценность. Но — поверите ли вы, друзья мои? — опьяняет... не этот ближний концерт, а тот, дальний, дальний... из будущего. Окружающая нас среда, где нами восхищаются, время, в течение которого мы существуем и слышим раздающиеся по нашему адресу восхваления, число тех, кто непосредственно обращается к нам с похвалами, которые мы у них заслужили, — все это слишком мало для наших тщеславных душ, и мы, быть может, считаем себя недостаточно вознагражденными за свой труд коленопреклонением окружающих нас современников. Рядом с теми, кого мы видим простертыми ниц, мы склоняем тех, кто еще не родился. Лишь такая безграничная толпа будущих поклонников-потомков может удовлетворять ум, устремления которого всегда направлены к бесконечному.

Зритель (*просытаясь*). Люблю Дидро, ума ведро. А еще больше я Дидра, люблю изгиб ее бедра!

Входит Гачев 2-й.

Гачев 2-й. «Баща е в мен» — «Отец — во мне», и вот приступаю к малому воскрешению... Отец! Воистину воздух Истории ворвется сейчас с твоим образом и голосами моих предков — тот воздух, которого так ничтожно мало в моих писаниях, увы!.. Вот они сейчас заговорят: отец, его старший брат — революционер, народный герой Болгарии Георгий Гачев, чье имя я ношу, и дед мой, народный учитель Иван Гачев. Брат навсегда остался внутренним

собеседником моего отца. Свою книгу «Эстетические взгляды Дидро» он посвятил памяти моего брата Георгия Гачева, павшего в борьбе за коммунизм в Болгарии... Театр — литургия, разыгрываемая человечеством, народами и поколениями, более прочная, чем обряды религии. Из религиозной литургии театр рождается.

Дидерот. Здравствуйте, господин Гачев! Не присоединитесь к моей скромной трапезе? Не отведаете ли курицу?

Гачев 2-й. Приготовленная пища — это письмо, отправленным любимому человеку, а рот человека вкушающего и говорящего — то местом, где соединяются плод земли и плод мысли в слове. А что касается курицы — прежде, чем съесть курицу, ее надобно разрезать.

Зритель. Шорна курис нада режить... Он ленива... Он яишка не делать, он сыплатка не сижить.

К столу подходит человек в грязной телогрейке с флейтой и киркой. Это — Гачев 1-й.

Гачев 2-й. Ну, здравствуй, отец!

Гачев 1-й. Здравствуй, сын!

Дидерот. Вы прекрасно играете на флейте.

Гачев 1-й. Благодарю. Но как вы услышали мою игру на таком расстоянии от рудника Чай-Урья, который называют Долина Смерти?

Дидерот. Не так уж и далеко — всего лет за двести и чуть больше, чем за две тысячи льё.

Гачев 1-й. Давно курицу изволите резать?

Дидерот. С открытия театра. Давно упражняетесь в игре на флейте?

Гачев 1-й. Никогда в своей жизни я так много не думал, не мечтал о флейте, как последний год. Буквально десятки раз она мне снилась, во сне я играл, выступал... На долгие годы я ее раньше покидал, но теперь уж я останусь ей верным до конца моей жизни... Живу я на Колыме, работаю и мечтаю о творчестве. Собственно говоря, все написанное мною до дня моего ареста есть лишь подготовка к той большой творческой работе, которой я должен был посвятить себя. Немного тех страниц, которые бы меня вполне удовлетворяли, — отдельные части в книге о Дидро... Здесь уже лет десять играю по приговору суда. Девять лет по числу томов в собрании ваших сочинений и еще год за мою книгу «Эстетические взгляды Дидро»... Впрочем, в основном не играю, а вожу тачку с рудой... А Вы, как понял, только что с похорон Николая Федоровича Федорова?

Дидерот. Именно так.

Гачев 1-й. Да, все связано в этом мире. Сын мой Георгий Дмитриевич лет через сто пятьдесят женится на Семеновой, которая в свою очередь издаст сочинения Федорова.

К столу со спины Дидро подходит Фальконет.

Фальконет. Вот вы где!

Дидерот. Фу-ты! До смерти напугали!.. Любезный друг, как я рад видеть вас, позвольте расцеловать вас в обе щеки. Но вы-то как в театре оказались?

Фальконет. Oh la-la, l'histoire est tout à fait dans l'esprit russe. По интригам господина Бецкого, секретаря Екатерины Второй, еще до окончания моего памятника Петру Первому, был вынужден покинуть Санкт-Петербург. В дорожном разговоре мельком упомянул швейцарскую Лозанну, где должны были издать мои сочинения. Кучер случайно услышал и сказал: «А как же барин, знаю, бывал там и не раз, враз довезу»... и повез меня в Рязань. По дороге карета сломалась около поместья Алексея Федяшева, в саду которого стояла копия моей мраморной скульптуры «Пигмалион и Галатя»... А потом там появился граф Калифалкжерстонъ и все закрутилось, как в каком-нибудь представлении французского водевиля в русской провинции... Впрочем, граф явится, сам расскажет.

Капельдинер. В этом фарсе мы не видали водевиля. О содержании пьесы и не спрашивайте, мудро до него добраться. Спектакль не заключая в себе ни идеи, ни характеров, имеет несколько эффектных сцен, но они не в состоянии выкупить недостатков целого.

Зритель. Да кто таков, этот Фальконет?

Капельдинер. Екатерина задумывает поставить памятник Петру. 25 декабря 1766 года из Европы в Петербург приезжает знаменитый скульптор Falconet с юной ученицей-возлюбленной. Пятнадцать лет под его началом сотни людей трудятся над монументом. Это битва с хаосом природы и косностью бюрократии, что «дерзновению подобно». Но печальна судьба творца. Его собственный сын женится на возлюбленной отца. Скульптор вынужден покинуть Россию, он не увидит триумфального открытия своего детища. Во Франции Falconet разбивает паралич, буря великой революции уничтожает несколько его скульптур и его могилу... Медный Всадник стоит непоколебимо и вечно.

Зритель. Понятно. Папик любит незрелую клубничку, а у сыночка — эдипов комплекс.

У Петра Великого
Блиzkих нету никого.
Только лошадь и змея —
Вот и вся его семья.

В гробу я видал такую вечность!

Дидро. Раскудахтался! Этот зритель не дает мне покоя. А внимание зрителя должно быть приковано к сцене. Эй, кто-нибудь, возьмите на псарне цепь, да прикуйте этого зрителя к креслу. У нас же крепостной театр или что?

*Указание Дидерота немедленно исполняется.
Входит граф Калифалкжерстонъ.*

Калифалкжерстонъ. Позволю представиться, граф Калиостро. История типично русская. Проездом в Санкт-Петербурге, под именем Феникс, собственноручно изгнал дьявола из юродивого Василия Желугина и предложил графу Потемкину утратить его золотую наличность. Но, главное, вернул к жизни малолетнего сына князя Гавриила Петровича Гагарина. Павел, так звали мальчика, медицинские светила признали безнадежно больным и подписали ему смертный приговор... Он должен был умереть через две недели, а я вернул его домой здоровым... Завистники и клеветники пожаловались Екатерине II, она написала комедию «Обманщик», где я был выведен под именем Калифалкжерстонъ... И я был вынужден бежать. По дороге карета сломалась около поместья Федяшевых, в саду которых стояла скульптура прелестной девушки. Молодой барин мечтал оживить ее, как Пигмалион Галатею, и умолил меня сотворить сие... И вот я в театре.

Гачев 1-й. Вся Россия — крепостной театр.

Дидро. Весь мир, мой друг, весь мир.

Зритель. По копии оживлять будете?

Гачев 2-й. Галатея, ну вылитая Семенова!

Капельдинер (*поет*).

О как же я люблю Вас
Прекрасное создание!
Люблю Ваш облик нежный
И этот нежный взгляд
И ваша неподвижность
И бледность, и молчание
Душе моей так много
О многом говорят...

И мнится мне, я знаю,
Я помню Ваше имя
Мы издали встречались
В моем родном краю
Вы для меня не мрамор
Не ангел, не богиня,
Вы та, кого люблю я
О как я вас люблю...

Дидерот (*Фальконету, Гачевым, а также зрителям*). Дорогие друзья! Прежде чем продолжить наш спор о бессмертии и потомках, не поможете мне разрезать эту курицу? Вы держите ее крепко вместе с господами Гачевыми, а я буду резать.

*Фальконет держит курицу за шею, Гачев 1-й за левую ногу, Гачев 2-й за правую.
Дидерот орудует ножом, но курица остается целой.*

Дидерот. Да, не получается. Может соус не тот?

Капельдинер. «Кобылинку» прикажите подать?

Дидерот. Что есть «Кобылинка»?

Капельдинер. Лучшая русская водка.

Фальконет. В моей душе нет места для потомства с их пустыми и бесплотными идеями.

Дидерот. Так вот если бы ваши творения достигли Сатурна, вы были бы очень рады узнать из местной газеты, что там довольны вами. Друг мой, если бы наши произведения могли доставляться на Сатурн, мы бы желали, чтобы нас восхваляли на Сатурне, и я не сомневаюсь, что если бы они могли переноситься во все части вселенной, как они переносятся во все места нашего земного шара, и существовали бы из века в век, наше рвение к их созданию разрасталось бы вместе с расширением сферы их распространения и художник творил бы больше и плодотворнее для неизменного, громадного, бесконечного, вечного пространства, чем для отдельной точки этого пространства.

Зритель. Курицу разделить не могут, а за пьесы и скульптуры берутся, о потомках, космосе и бессмертии рассуждают... Тьфу... Курицу, господа, надо рубить топором! Вжик, и курица пополам!

Калифалкжерстонь. Я могу не только человека воскресить, но и курицу!

Зритель. Курицу воскресит любой дурак может, вы ее разрезать попробуйте.

Калифалкжерстонь. Не мой профиль, уважаемый.

Дидерот. Товарищи! Давайте, наконец, займемся спектаклем... Кроме князей Гагариных, вроде, все в сборе. Делаем развод артистов. На сцене в одну шеренгу, становись!

Все, кто есть на сцене выстраиваются, затем встают на колени.

Дидерот. Мы хоть и крепостной театр, но не до такой же степени! Прошу всех подняться с колен и непринужденно стоять по стойке «смирно».

— Скульптор Фальконет!

— Я!

— Обманщик Калифалкжерстонь!

— Я!

— Актер Ленский 1-й!

— Я! Разрешите рассказать анекдот?

Однажды Ленский блуждая по сцене нападает на влюбленную парочку, которая вела переговоры в необыкновенной позе. Она (балетная танцовщица), изображавшая тень в опере «Роберт и

Бертрам», лежала в гробу, а он (наш всеильный директор театров) стоял перед ее гробом и вел с нею оживленную беседу. Нужно заметить, что близость директора к танцовщице уж очень рельефно обозначалась ее полнотой, несколько нарушавшей иллюзию и мешавшей ее сценическому успеху. Словом наступало такое время, когда уже нельзя было выступать на подмостках, но расчетливая артистка не могла помириться с мыслью потерять свои значительные разовые и продолжала, при помощи своего поклонника, «не наносить себе материального убытка».

Завидя их, Дмитрий Тимофеевич подходит к директору и шутя говорит:

— Чудотворец вы, ваше превосходительство!

— Каким образом?

— А таким, — ответил Ленский, указывая на танцовщицу, — и сущим во гробех живот даровав.

— До мурашек.

— Отставить смехуечки в строю!

— Актер Ленский 2-й!

— Я!

— Актер Ленский 3-й!

— Я!

...

— Девица Семенова!

— Какая Семенова, 1-я, 2-я или 3-я?

— Поумничай тут у меня! Говоря об русской трагедии, говоришь о Семеновой и, может быть, только об ней. Одаренная талантом, красотой, чувством живым и верным, она образовалась сама собою. Семенова никогда не имела подлинника... Семенова не имела соперницы...

— Гачева 2-я тоже хороша!

— Нераспустившийся бутон!

— Розан!

— Воистину розан!

— Настенька, совсем молоденькая, за 1200 рублей взяли.

— Что так дорого?

— Куды дорого! Она еще и читать-писать умеет.

— Отставить разговорчики в строю! Где Семеновы и остальные девицы? Я вас спрашиваю!

— Не можем знать!

— Театр без девиц и границ — сплошной Содом и Гоморра. Срочно найти!

Выплывают три Семеновы, Гачева, Некрасова, Добродка и прочие девицы в хитонах и сарафанах. Образуют подобие хора. То ли древнегреческого, то ли русского народного.

— Флейтист Гачев 1-й.

— ст. 58-10, часть 2-я, 58-11.

— Партию выучил?

— Так точно, гражданин начальник!

...

— Д'Аламбер...

— Где Д'Аламбер?

Фальконет. Никак не можем найти. Как отъявленному атеисту ему отказано в месте на кладбище и он похоронен в общей могиле, ничем не обозначенной.

Хор девиц.

Нет могилам числа, и гниют по земле
Груды жалких, никем не оплаканных тел.
И рыдают, и бьются о камни
Поседевшие матери, жены — с мольбой.

Пред немым алтарем беспощадных богов
Раздаются мрачные
Песни похоронные,
Звуки гимнов жалобных.
Ты приди, помилуй нас,
Защити от гибели,
О, Тучегонителя
Золотая дочь!

Дидерот. Впрочем, мы же в театре, в театре, особенно крепостном, возможно все. Эй, мужик... Да, который с канделябром. Выйти из строя.

Капельдинер подходит к Дидероту.

Дидерот. Как звать, кто таков?

Капельдинер. Петров, дворовый человек князей Гагариных будем, сейчас капельдинер.

Дидерот. Заменишь Д'Аламбера.

Капельдинер. Д'Аламбера? Французского ученого-энциклопедиста, широко известного философа, математика и механика?

Дидерот. Его родимого.

Капельдинер. Не могу, ваша милость, быть Д'Аламбером, хоть режьте!

Дидерот. Это еще почему?

Капельдинер. Я плохо решаю дифференциальные уравнения 2-го порядка в частных производных.

Дидерот. Пустяки! Почетный академик Сухово-Кобылин — враз научит.

Сухово-Кобылин с бутылкой «Кобылинки» входит в зал. К нему тотчас подходит Капельдинер.

Капельдинер. Сударь, со своей водкой в театр не положено! Смотреть можно, пить нельзя! Вы, вообще, кто?

Сухово-Кобылин. Кобылин в пальто! Я Алексей Васильевич Сухово-Кобылин, веду свое происхождение от боярина Андрея Кобылы, родоначальника царской династии Романовых.

Капельдинер. А я, с позволения вашей милости, — Д'Аламбер, дворовый человек князя Гагарина, за все, так сказать — и лакей, и капельдинер, и, даже, драматург и артист (*Громогласно.*) «Кушать курицу подано!».. Каково?

Сухово-Кобылин. Без сомнения, талантливо. Очень талантливо!.. У рода Гагариных тут прямо Царствие Небесное. Усадьба «Троицкая», «Петров-сад» — настоящий райский сад, где у входа с ключами буквально сидит старик...

Капельдинер. По каким делам вы оказались в театре?

Сухово-Кобылин. Здесь собственно по трем причинам. Господин Ленский 1-й, побочный сын князя Гагарина, собирается играть в моей пьесе «Дело» и он попросил меня разъяснить некоторые места из этой Драмы.

Капельдинер. Так вы литератор?

Сухово-Кобылин. Класс литераторов так же мне чужд, как и остальные четырнадцать.

Капельдинер. А вторые два дела?

Сухово-Кобылин. Также сюда собирался приехать князь Иван Алексеевич Гагарин, как и я страстный любитель лошадей и театра. Очень любопытно с ним познакомиться. И, наконец, мне необходимо побеседовать с Николаем Федоровичем Федоровым — его учение «Общего дела» весьма схоже с моим «Всемиром» в некоторых Пунктах.

Капельдинер. Насчет Николая Федоровича вы вовремя приехали, я как раз собираюсь князю Гагарину о нем докладывать. Но князь задерживаются. Проходите к столу — у нас сегодня подают чудесную курицу.

Сухово-Кобылин. А мы с Федоровым — веганы.

Фальконет. Я собирался бюст Федорова ваять, но он, знаете ли, всем живописцам и фотографам запрещал делать свои портреты. Вот и от меня спрятался.

Зритель. В гроб?

Капельдинер. В этом театре не следует браться за постановку драмы — данная труппа не умеет этого делать. Водевиль, а не реалистическая химера — вот ваше назначение.

Дидерот. Это крепостной театр, нечего рассуждать! Решено, ты — Д'Аламбер, ты играешь на сцене, ты бредишь во сне.

Зритель. Я тоже.

Медная бабушка. Все мы.

Хор девиц. Все мы.

Дидерот (*Капельдинеру*). Говори.

Д'Аламбер. Что?

Дидерот. Что положено по роли, болван!

Д'Аламбер. Всякий раз, как я ем!

Зритель. Курицу?

Фальконет. Хотите поговорить об этом?

Медная бабушка. О, месье знает толк в курицах.

Дидерот. Говори еще.

Д'Аламбер. Мне хотелось бы знать, какая, по вашему мнению, разница между человеком и статуей, мрамором и телом.

Дидро. Очень незначительная. Из мрамора делается тело, из тела — мрамор.

Д'Аламбер. Но тело не то, что мрамор.

Дидро. Да. Что делаете вы, когда едите? Вы устраняете препятствия, мешающие проявлению в продуктах деятельной чувствительности их. Вы ассимилируете продукты, делаете из них тело, одушевляете их, делаете их чувствительными, и то, что вы проделываете с продуктами, я проделаю, когда угодно, с мрамором.

Д'Аламбер. Каким образом?

Дидро. Каким образом? Сделаю его съедобным.

Д'Аламбер. Сделать мрамор съедобным, — это, кажется, нелегко.

Дидро. Это уж мое дело... (*подходит к статуе «Власть»*.) Я беру вот эту статую, кладу ее в ступку и пестом превращаю в порошок?

Зритель. В порошок белого цвета?

Дидро. Заметьте, не я это предложил!

Д'Аламбер. Аккуратнее, пожалуйста: это шедевр Фальконета.

Дидро. Для Фальконета это ничего не значит: за статую заплачено, а с общественным мнением он мало считается, отзыв же потомства вовсе не интересуется его.

Фальконет. Ну сколько можно толочь одно и то же?

Д'Аламбер. А дальше?

Дидро. Превратив кусок мрамора в мельчайший порошок, я сыпая его в чернозем, смешиваю, поливаю, оставляю гнить год, два, сто лет, — время для меня не важно...

Зритель. Я полчаса на этом спектакле еле отсидел, почти заснул. А тут — сто лет.

Хор девиц.

Раскланялся, потом на сцену
В большом рассеянье взглянул,
Отворотился — и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену»;

Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

Зритель. Гусары, молчать! Дидро — Дидло — Дилдо. Надо записать... Рассказываю анекдот. Давали балет. Однажды антракт между действиями затянулся, и князь Сергей Сергеевич Гагарин, директор Императорских театров, приказал Дидло поторопить танцовщиц и начинать действие. Но Дидло не позволял никому вмешиваться в свою работу. Он проигнорировал указание князя, за что тот велел посадить его под арест. Гагарин решил продемонстрировать, кто в театре хозяин: мол, никакие заслуги и таланты для него не существуют. «Такого человека, как Дидло, не сажают», — сказал старый балетмейстер и, отбыв арест, вышел в отставку.

Дидро. Я засеваю чернозем горохом, бобами, капустой. Растения питаются землей, а я питаюсь растениями...

Медная бабушка. Месье тоже веган?

Сухово-Кобылин. Месье автотроф.

Дидерот. Так мраморная статуя превращается в человека!

Д'Аламбер. Ну, начинайте же толочь.

Дидерот. Статуя большая, в ступу не влезет. Надо разбить на части.

Зритель. Статую растолочь не могут, а на сцену лезут.

Д'Аламбер (Дидероту). Барин, я до кузни сбегаю, молот принесу, с ними будет сподручнее (*скрывается за сценой*).

Калифалкжерстонь (подходя к скульптуре). Какая интересная скульптура? Что она олицетворяет?

Д'Аламбер. Верховная власть (господство), опирающаяся на фасции.

Зритель. Власть, опирающаяся на фаллосы? Любопытно. Жаль, Фрейд еще не родился.

Хор девиц.

Фрейд давно мертв.

Психоанализ — лженаука.

Фасции — это сила!

Д'Аламбер. Товарищи, фасции это розги, собранные в пучок вокруг шеста, увенчанного секирой, символизирующие высокое положение в обществе и власть.

Зритель. Я и говорю — господство, розги, шест — все очень символично. И весьма органично смотрится на крепостной сцене.

Вбегает Д'Аламбер с огромным молотом. Почтительно подает Дидероту.

Д'Аламбер. Вам, господин, предоставляется право первого удара.

Дидерот. Истина и добродетель — две невредимые статуи среди гибели и опустошения.

Д'Аламбер. Вы бы барин, старый халат сняли, сподручнее Власть разрушать будет.

Дидерот берет молот и от всей души бьет по «Власти».

Сухово-Кобылин. Bravo, мастерский удар!

Дидерот (Гачеву 1-му.) Дмитрий Иванович, у вас кирка с собой?

Гачев 1-й. Всегда со мной, как флейта и томик Дидро.

Гачев 1-й бьет по «Власти».

Хор девиц.

Мы добрых граждан позабавим

И у позорного столба

Кишкой последнего попа
Последнего царя удавим.

Д'Аламбер. Эти строчки получили широкое распространение в списках за подписью Пушкина. Они являются вольным переводом французских стихов, приписывавшихся Дидро.

Фальконет. Позвольте теперь я (*бьет по статуе*).

На сцене выстраивается очередь из желающих добить Власть.

Голоса в очереди.

— Власть трещит по швам.

— Оставим власть с носом.

— Выпорем власть.

— Ударим власти по рукам.

— Дайте-ка я власти мозги вышибу.

— Почему именно вы, сударь?

— У власти нет мозгов, а во вторых, за это строго взыщется.

— Я имел в виду: аллегорически вышибу аллегорические мозги у аллегории власти.

— Чтобы статуя мелкого помола вышла, ее надо на мельницу оттащить.

Д'Аламбер. Никак нельзя-с. Мельницу уже подожгли.

Хор девиц.

Власти больше нет.

Красота поругана и разбита.

Фальконет. Что с Медной бабушкой будем делать?

Дидерот. Еще Пушкин советовал сдать Медную бабушку в переплавку по цене лома цветных металлов.

Медная бабушка. Да-да, ваш Дидерот – человек необыкновенный, после каждой беседы с ним у меня бока помяты и в синяках. Я была вынуждена поставить между ним и собой стол, чтобы защитить себя от его жестикуляции.

Фальконет. Правосудие веков опускается лишь на могилы.

Хор девиц. Правосудие веков опускается лишь на могилы.

Гачев 1-й. Содержание эстетической системы Дидро — борьба за новый, реалистический стиль в искусстве.

Гачев 2-й. Театр — веселое издевательство людей, ставших на время богами, над всеми своими мерами, ценами, значениями.

Дидро. Еще есть чего медного в переплавку?

Фальконет. Так Медный всадник же.

Зритель. Восемь тонн вторсырья. Это ж сколько «Кобылинки» можно купить?!

Голоса на сцене.

— Долой крепостное право!

— Эгалите фрaternите и либерте!

— Даешь Бастилию!

— В Париж!

— На Петроград!

Капельдинер. Не выйдет ни в Париж, ни на Петроград. Конюшню сожгли-с, лошадей съели.

Сухово-Кобылин. Господа, у меня сгорела усадьба со всеми рукописями... А в 1988 году французы ликвидировали мою могилу, так как закончился срок ее оплаты.

Дидерот. Друг мой, не стоит отчаиваться. Великие имена не подвергаются теперь опасности этих разрушений, и ты будешь вечно существовать либо в каком-нибудь куске мрамора, либо — что еще вернее — в некоторых наших строках. В настоящее время только крушение земного шара может уничтожить науки и искусства и похоронить имена знаменитых людей, с успехом

работавших в них. Свет разума может переноситься в другие страны, но он столь же вечен, как свет солнца. Есть два великих открытия: почта, которая приблизительно через шесть недель сообщает о новом открытии с экватора на полюс, и книгопечатание, которое закрепляет это открытие навсегда.

Фальконет. Что дальше?

Дидерот. Так, мраморную скульптуру расколотили, Медную бабушку переплавили. Что бы еще такого порушить?

Сухово-Кобылин. Господа! Давайте опустошим театр к чертовой бабушке!

Голоса на сцене и в зале.

- Давно пора!
- Сожжем пьесы!
- Сорвем афиши!
- Разграбим гардероб!
- Разгромим фойе!
- Изрежем кресла!
- Нагадим в оркестровую яму!
- Сорвем занавес!
- Растопчем сцену!
- Спалим декорации!
- Разнесем гримерки!
- Отрубим драматургам головы!
- Четвертуем режиссеров!
- Повесим артистов!
- Обобществим актрис!

Зритель. Но сначала опустошим буфет!

Дидерот. Итак, господа, решено! Разрушим театр!

Капельдинер. Не выйдет. Театр уже разрушили до нас.

На руинах театра появляются многочисленные Гагарины — обе ветви древнего рода.

Дидерот. А вот и хозяева театра пожаловали.

Д'Аламбер. У нас все готово для премьеры.

Гагарин 1-й. Вижу-вижу!

Гагарин 2-й. Сегодня у нас, благодаря господам Дидероту, Фальконету и Калифалкжерстону, а также Александру Васильевичу Сухово-Кобылину, можно сказать, произошло рождение нового театра — «Ил театрино Гагарины»!

Голоса из рода Гагариных.

- Давно пора!
- Какой замечательный репертуар!
- С каким вкусом напечатаны афиши!
- До чего вышколены гардеробщики!
- Как расписано фойе!
- До чего богато обиты кресла!
- Оркестр выше всяких похвал!
- Как расшит занавес!
- Какой паркет на сцене!
- Декорации — сама природа!
- Какие просторные гримерки!
- Драматург — это голова!
- Гениальная режиссерская концепция!

— Артисты — гордость русской сцены!

— Актрисы — сама невинность!

Зритель. В буфет, господа!

Все. Виват!..

Ленский 1-й. Обе столицы нам будут завидовать!

Ленский 2-й. Все столицы мира!

Гагарин 2-й. Верю, что и на Сатурне будет театр.

Гагарин 3-й. Ну вы, батюшка и мечтатель... Но на Марсе точно будет — он существенно ближе к Земле... (*Дидероту.*) Я знаете ли в опеке и в вопиющей нищете — братья постарались, а год моей кончины и место погребения до сих пор вызывают разночтение... Мой театр в прошлом — в Одессе и в Кишиневе. А то, что вы видите здесь, любезный Дидерот, лишь плод моего воображения. Или вашего. А, может, и капельдинера Петрова, который превратился в Д'Аламбера...

Зритель. Трагичность однако исчезнет, если сынов и отцов обратить в какие-то пьяные видения, в хмельные сны.

Капельдинер (*Гагарину 3-му.*) Батюшка, князь Павел Иванович! Дозволите обратиться?

Гагарин 3-й. Снова по пустякам?

Капельдинер. Именно так, не извольте гневаться.

Гагарин 3-й. Ну что еще?

Капельдинер. У вас опять сын родился!

Гагарин 3-й. Сын? От кого?

Капельдинер. От Федора.

Гагарин 3-й. Дурак, мать кто, спрашиваю?

Капельдинер. Как ее... Елизавета.

Гагарин 3-й. Елизавета?

Капельдинер. Пардон, Анисья.

Гагарин 2-й. Как нарекли младенца?

Капельдинер. Николаем. Стало быть, Николай Федорович Федоров родился.

Дидерот. Надо же, полчаса назад были на поминках, а сейчас на крестины пойдем.

Зритель. И то, дело, а то скука в этом театре смертная.

Дидерот. Предлагаю немного прогуляться.

Участники спектакля выходят на русский простор. Но не надолго.

Вселенское дело

Снова каталожная. Однако, в ней теперь не поминальная атмосфера, а праздничная и радостная обстановка судебного заседания. За столом сидит Судья.

Судья. Люблю работать в библиотеке: большие столы, мягкий зеленый свет, тишина. Особенно удобно судить писателей — прямо по авторскому каталогу, никакой путаницы. Также и с читателями — берешь формуляр, переписываешь в дело, кто что читал и, вжик — приговор готов. А срок можно давать по количеству прочитанных книг... Вообще надо все библиотеки оптимизировать, переделав их под полицейские участки, суды и тюрьмы. Еще хорошо бы объединить суд, музей, библиотеку и кладбище. В музее хранить вещественные доказательства, в библиотеке — дела, а на кладбище отправлять покойников прямо из зала суда. И обязательно при каждом суде организовать обсерваторию для наблюдения за подозреваемыми и подсудимыми на других планетах.

Входит Секретарь суда.

Секретарь (*путаясь и заикаясь*). Ваша, Ваше...

Судия (*снисходительно*). Что, забыли как меня называть, молодой человек?

Секретарь. Признаться, да, Ваша, Ваше... Позавчера был на поминках, вчера на крестинах. Или наоборот? Ну, и, признаться, немного того... перебрал «Кобылинки», а потом еще в театр поехали, ну и...

Судия. Поминки этого всегда хорошо, а без крестин не было бы поминок. И суда бы не было, еперный театр.

Секретарь. Остроумно-с! Разрешите занести в анналы истории?

Судия. Заносите. А меня называйте как угодно. По-старомодному — Ваша светлость. Или Ваша честь. Можно — господин судья, гражданин судья, товарищ судья... My Lord, наконец. На приговор это никак не повлияет.

Секретарь. Лет сто здесь работаю секретарем, а все никак не пойму, какой у нас суд, Ваша светлость, — товарищеский, инквизиторский, страшный или просто тройка?

Судия. Запомните, юноша, и запишите на скрижалях своей души: у нас один суд — единый и неделимый!.. Да и какая может быть «Тройка»? Вчера двух последних судей казнили по моему единогласному приговору. Один я остался...

Секретарь. Вчера казнили? Убей бог не помню.

Судия. Причем здесь бог, сын мой?

Секретарь. По каким законам судить сегодня будем, Ваша честь?

Судия. А что, сегодня особенный день? Судить будем как обычно — по всем существовавшим, существующим и не существующим законам... Но пожалуй, сегодня хороший день — пятница — день суда над И.Христом. Можно сказать, наш профессиональный день. Впрочем, у хорошего судьи — семь пятниц на неделе. В прямом смысле этого слова.

Секретарь. Эх, поскорее бы Страстная пятница, товарищ Судия!

Судия. Заболтались мы, а тюремщики и палачи с самого утра ждут. Доложи распорядок дня.

Секретарь.

09:00. Пробуждение.

09:00-10:00. Работа с доносами.

10:00-10:30. Завтрак.

10:30-11.30. пытки.

11:30-12.00. Производственная гимнастика.

12:00-13:00. Сиеста.

13.00-13:15. Утреннее заседание суда.

13.15-13:30. Второй завтрак.

13:30-14:00. Работа с доносами.

14:00-15:00. Обед.

15:00-16:00. Тихий час.

16.00-16:15. Вечернее заседание суда.

16:15-17:00. Казни.

17:00-17:30. Five o'clock.

17:30-19:00. Работа с доносами, казни.

19:00-20:00. Ужин.

20:00-24:00. Просмотр казней по Центральному телевидению.

00:00. Двенадцать нуль-нуль — баиньки.

00:00-09:00. Ночной сон, аресты.

Судия. Да уж, распорядок дня плотный.

Секретарь. Не бережете вы себя, ваша честь.

Судия. Не для себя стараюсь. Суд очищает душу, а казнь освобождает тело... Вот один подсудимый утверждал: «Человек на сцене или в суде — на виду, просвечиваемый на позорище». Глубокое заблуждение. Суд — не позорище, а святилище! Быть подсудимым — почетная обязанность!.. Ну, что за дела сегодня.

Секретарь. В каком порядке судить будем?

Судия. Да какая разница? Судить будем всех вместе. Но каждого по отдельности.

Секретарь. Перечисляю дела.

Дело о погроме в крепостном театре князя Гагарина, совершенное группой философ-экстремистов.

Дело Федорова Н.Ф. об условности Конца света и Страшного суда.

Дело организованной преступной группы космистов «Вселенское дело».

Дело о краже яблок на Первой Императорской Марсианской Станции (ПИМС).

Дело Сухова-Кобылина Н.В. по «Делу» и самогоноварению.

Судия. Сразу несообразность, Петров. За погром театра награждать надо, а не судить. Как же дело к нам попало, я вас спрашиваю!

Секретарь. Есть нюанс. Прикрываясь погромом театра, подсудимые разбили статую «Власть».

Судия. Разрушать статую власти опаснее, чем разрушать саму власть. Разрушая статую, вы разрушаете символ власти, а символ сильнее человека... Всех бы повесить без суда и следствия, да нельзя — закон есть закон! Назначаю следственный эксперимент — пусть разгромят МХАТ... А что-то дела драматурга Петрова не вижу.

Секретарь. Прокуратор уже какой сезон задерживает. Велел привести Петрова на дружеский допрос, долго говорил с ним о театре, своего решения пока не вынес.

Судия. Ах, да, прокуратор мне звонил на мобильник. И что Петров?

Секретарь. После беседы о театре находится в реанимации.

Судия. Безобразия! Не может же из-за какого-то симулянта Петрова суд переносить заседание. Кстати, Петров не ваш родственник?

Секретарь. Упаси боже, какой родственник? Так, побочный сын... Осмелюсь предложить — пока это основное дело Петрова рассматривают другие инстанции, заочно судить его по обвинению в краже яблок на Марсе.

Судия. Отличная идея, чувствую моя школа!.. Вызывайте подсудимых. Начнем с Федорова.

Секретарь. Послал судебных приставов, но есть нюанс.

Судия. Какой еще нюанс?

Секретарь. Федоров то ли позавчера скончался, то ли вчера родился... Точно не скажу — судебные эксперты работают. И вообще, подсудимые, большей частью уже в могиле, а некоторые еще не родились.

Судия. Не вижу проблемы: смерть уже есть отягчающее обстоятельство. А Федоров или кто еще, если вчера родился, за один день, не считая девяти месяцев в утробе, — столько преступлений мог совершить — мама, не горюй.

Секретарь. Так что прикажете делать?

Судия. Вешать можно, врать нельзя... Так, Распределим роли процесса. Я — судья, обвинитель, адвокат, потерпевшие. И, конечно, палач. Ты — подсудимые, свидетели, эксперты, конвоиры.

Секретарь. Так много ролей мне не сыграть!

Судия. Ничего страшного. Роли-то простые: Да, Ваша Честь! Так точно, Ваша честь! Виновным себе признаю, Ваша Честь!

Секретарь. А кто секретарем суда будет?

Судия. Секретарем? Зачем нам раздувание штата и бюрократические формальности? Итак, начнем!

Секретарь. Встать, Суд идет!

Большинство зрителей остается сидеть.

Зрители не встают, Ваша честь!

Судия. Ничего страшного. Сегодня зритель — завтра подсудимый.

Секретарь. Сегодня сидит — завтра сядет. Профессиональный юмор, кто не понял.

Судия. Введите Федорова.

Секретарь. Я уже здесь, Ваша честь.

Судия. Назовите себя.

Секретарь. Федоров Николай Федорович, 1829 года рождения, село Ключи Рязанской губернии. Скончался в 1903 году в Москве. Подсудимый (в смысле я) обвиняется в тяжких преступлениях: отрицание Конца света и Страшного суда, подстрекательство к всеобщему воскрешению... Основатель, организатор и идейный вдохновитель преступной группировки «Русский космизм».

Судия. Рассуждение об условности Апокалипсиса и Страшного суда — чудовищное преступление, смертный грех. Воскрешать следует только для того, чтобы казнить заново.

Судия. Свидетели есть?

Секретарь. Достоевский и Толстой.

Судия. Какие же это свидетели? Достоевский же считал «мысли Федорова как бы за свои». Преступления Достоевского общеизвестны, их даже в школе проходят.

Секретарь. У Толстого смягчающее вину обстоятельство. Прошлой зимой посетил граф библиотеку Румянцевского музея и сказал Федорову: «Однако сколько здесь книг: хорошо бы все это сжечь».

Судия. Да, пожалуй, Толстому можно выбрать казнь помягче... Но в силу особой опасности преступлений, подрывающих основы мироздания, заседания будут проходить в закрытом режиме... Введите остальных. А публику вывести из зала и высечь для профилактики.

Секретарь.

Сетницкий Николай Александрович (1888-1937). Сотрудник НИИ мирового хозяйства и мировой политики; философ, экономист. Будучи завербован для шпионской деятельности представителем японских разведывательных органов Томинага, в 1935 году прибыл в СССР с заданиями шпионского и террористического порядка, выполнял порученные ему задания, Сетницкий неоднократно встречался на советской территории с агентами-связистами, прибывшими из-за кордона. Сетницкий, кроме того, состоял членом к.-р. «сменовеховской» группы, руководимой Устряловым и, как участник этой группы по заданию японской разведки, вступил в организационную связь с террористической организацией «правых» для организации активной борьбы с Советской властью. Автор работ «О конечном идеале», «Перед лицом смерти. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров». Истолковывал Апокалипсис, участвовал в сборнике «Вселенское дело».

Судия. Короче, Склифосовский!

Секретарь. Не понял.

Судия. Brevity is the soul of wit.

Секретарь (обиженно). Так бы сразу и сказали... Продолжаю, Ваша честь.

Горский Александр Константинович (1886-1943). Автор книги «Перед лицом смерти», участвовал в сборнике «Вселенское дело». Был связан с арестами участников кружка «Воскресение»; посещал редакцию фашистской газеты «Новый путь», был оставлен в Калуге для проведения шпионской работы в пользу Германии, пытался открыть кладбищенскую церковь с целью пропаганды в ней антисоветской деятельности, среди близких знакомых активно проводил пропаганду федоровских идей.

Муравьев Николай Валерьянович (1885-1935), сын Министра юстиции и Генерального прокурора Российской Империи. По рекомендации Троцкого принят на работу в

дипломатическое ведомство РСФСР. В начале 20-х годов познакомился с Сетницким и Горским, собирался с ними в библиотеке ВСНХ. Готовит к публикации большое философское произведение, озаглавленное им «София и Китоврас», написанное на стыке жанров платоновского диалога, философского романа, публицистики и научного трактата. Автор подрывной книги «Овладение временем».

Гачев Дмитрий Иванович (1902-1945) с отпрысками. Распространение контрреволюционной троцкистской литературы, переводил на русский троцкистские статьи из французской газеты. Будучи заведующим редакцией иностранной классики Гослитиздата издавал антисоветские работы Дидерота. Дед Гачевой Анастасии Георгиевны...

Судия. Стоп, стоп, стоп! Так дело не пойдет. Если всех перечислять, то мы и ко второму завтраку процесс не закончим...

Секретарь. Мне нечего добавить.

Судия. Хорошо. С Федоровым и космизмом покончено. Раз и навсегда... Сейчас покончим и с театром. Кто зачинщик?

Секретарь. Дидерот.

Судия. Кто участвовал в погроме и надругался над «Властью»?

Секретарь. Д'Аламбер, Фальконет и другие.

Судия. Еще не повесили?

Секретарь. Так они иностранные подданные.

Судия. Да хоть марсианские... Перед нашим российским законом все равны... А ты, братец, вот что, — будешь изображать Д'Аламбера и прочих энциклопедистов.

Секретарь. Энциклопедисты — это общество, составившееся с целью поддерживать материализм, разрушать религию, внушать независимость и питать развращенность нравов. Энциклопедисты составили шайку с целью ниспровержения всех общественных основ

Судия. Свидетели есть?

Секретарь. Хор девиц.

Судия. По совместительству будешь изображать девиц.

Хор девиц.

Когда на суд безмолвных, тайных дум
Я вызываю голоса былого, —
Утраты все приходят мне на ум,
И старой болью я болею снова.

Судия. Все ясно. Всех этих, прости господи, энциклопедистов и девиц, в камеру смертников... Зачитай быстренько про Сухово-Кобылина, и обедать.

Секретарь. В своем «Учении Всемира» он представил дерзкую теорию трех стадий развития человечества: земной (теллурической), солнечной (солярной) и сидерической (звездной). Знаменитой гегелевской триаде «тезис–антитезис–синтез» придал футурологический смысл. Описывал, как, выйдя за пределы Земли, род людской освоит Солнечную систему, заселит другие планеты, создаст многие цивилизации, а затем расширится в дальний космос, проникнув в глубины Вселенной, одухотворив ее мыслью и чувством. Высший синтез для философа — «сидерическое, или всемирное, человечество, т.е. вся тотальность миров, человечеством обитаемых, во всей бесконечности Вселенной». Между делом зарезал свою содержанку Louise Simon-Dimanche и занимался самогоноварением.

Судия. С этого момента поподробнее.

Секретарь. Горло убитой уродовала поперечная, с рваными расщедшимися краями рана, длиной около трех вершков. Впоследствии в морге запротоколировали следы удушения на шее, переломы и раздробления нескольких ребер, а также обширные гематомы и ссадины по всему телу.

Судия. Сериалов по федеральным каналам посмотрелся? Кому это интересно? Рассказывай про самоговарение.

Секретарь. Еще вчера-с в холодильник три бутылочки «Кобылинки» поставил для проведение судебной экспертизы.

Судия. Объявляется перерыв для проведения срочной экспертизы... Ну и закуску — тоже на экспертизу.

Секретарь. Холодец с поминок остался и курица вчерашняя — как новая, даже разрезать не успели.

Судия. Так неси!

Удаляются в совещательную комнату. Возвращаются.

Секретарь. Встать, суд идет! Вы-вызывается св-видетель!

Расплюев. Я-а-а таперь такого мнения, что все наше отечество это целая стая волков, змей и зайцев, которые вдруг обратились в людей, и я всякого подозреваю; а потому следует постановить правилом: — всякого подвергать аресту.

Судия. Хороший свидетель. Побольше бы таких.

Секретарь. Что с Сухово-Кобылиным?

Судия. Посадить в камеру, пусть какую-нибудь пьесу напишет для тюремного театра. Но главное — выпытать рецепт «Кобылинки». А потом уж и казнить с чистой совестью.

Секретарь. Как выпытать?

Судия. Ты, как дите малое. Придумай, что-нибудь безобидно-шуточное, как с «расстрелянием» Достоевского, например. Вози в закрытой карете с завязанными глазами, корми селедкой и не давай пить.

Секретарь. Насчет «пить». Так еще немного «Кобылинки» осталось.

Судия. Все-все, закругляемся. Ваше последнее слово, обвиняемые.

Все. ВСКР.

Судия. Всех казнить, а потом вскрытие. Или наоборот. Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Секретарь. Помедленнее, пжалста, я записываю... Если мы допустим беспорядок в документации, потомки нам этого не простят.

Судия. Немного утомился я что-то. Поди в отдел нотных изданий и звукозаписей, принеси что-нибудь бодрое и жизнеутверждающее. Как говорится: был бы суд, будет и песня.

Секретарь уходит, возвращается с фоноваликом.

Секретарь. Вот получил раритетную запись (*Заводит фонограф*).

Прекрасна жизнь и есть успех,
Живот растет почти у всех.
И есть на выбор много блюд,
Но скоро будет страшный суд.

Никто не избежит его,
Всех ожидает ничего.
Но волноваться нет причин —
Мы все умрем, ты не один.

Привет:

О, скоро будет страшный суд.
О, скоро будет страшный суд.

Жизнь — это лишь всего игра,

И Рим остался во вчера.
Империи стирались в пыль,
А смерть не сказка — это был.

И все надежды и мечты,
Которые лилеел ты,
Всего лишь искорки в огне,
Всепожирающем огне.

Припев:
О, скоро будет страшный суд.
О, скоро будет страшный суд.

И волноваться пустой труд.
О, скоро будет страшный суд.
Сгорит вся эта ерунда
Во время страшного суда.

Припев:
О, скоро будет страшный суд.
О, скоро будет страшный суд.

Ссыте, с*ки, ссыте, бл*дь...
О, скоро будет страшный суд.
О, скоро будет страшный суд.
Суд будет!

Камера №16

*Типовая камера смертников на 300-400 человек, в которой находятся все действующие лица пьесы и зрители. Все они, кроме смотрящего, лежат на нарах.
Камера и театр пропитаны запахом гнилой рыбы.
На стене камеры надпись кровью: ВСКР.
За сценой слышен голос: лицом к стене! Лязгает замок двери,
в камеру вталкивают Сухово-Кобылина.*

Сухово-Кобылин (*широко улыбаясь*). Вечер в хату!

Смотрящий (*радушно*). Часик в радость!

Сухово-Кобылин. Это камера шестнадцать или, пардон, я ошибся?

Смотрящий. Да, шестнадцатая. Вы тоже здесь будете сидеть?

Сухово-Кобылин. Да.

Смотрящий. Очень приятно.

Сухово-Кобылин. Надеюсь, мы подружиться.

Смотрящий. Конечно. А вы какие-нибудь сувениры с собой берете?

Сухово-Кобылин. Нет, нет, нет, нет.

Смотрящий. А я взял.

Сухово-Кобылин. «Кобылинку»?

Смотрящий. Читали в Дзене? Тюремные врачи рекомендуют, успокаивает нервную систему, расширяет сосуды.

Робкий стук в дверь.

Голос с нар. Входите, не заперто!

Входит Начальник тюрьмы.

Начальник. Я ваш, законноизбранный на очередной пожизненный срок, Начальник Тюрьмы.

Голоса с нар.

— Давно пора!

— Наконец-то порядок будет!

— А как на старого похож.

— Может сын?

— Нет, этот трезвый.

— Природа на детях отдыхает.

Начальник. Господа, товарищи! Как здорово, что все мы здесь сегодня собрались. С радостью и душевным трепетом сообщая вам, что завтра наконец-то произойдет событие, которое мы все вместе с нетерпением ожидаем. Что же это за событие, спросите вы? Конечно же, внеочередная всеобщая смертная казнь, которая имеет место быть ровно в двенадцать нуль-нуль. Просьба не опаздывать! В связи с этим, в чем-то праздничным, а в чем-то будничным событием, проводится тотальный шмон камеры №16 и заключенных в оной пребывающих. Чтобы не нарушать права человека, шмон будет проводиться в виде экскурсии по камере. Экскурсию проводит заслуженный Смотрящий по камере. К участию приглашаются ~~новоприставленные~~ (простите, это зачеркнуто) новоприбывшие приговоренные.

Смотрящий. Начинаем экскурсию. Прямо при входе типа «Переделкино»¹. Здесь Сервантесы и прочие Верлены. Конечно, нашлась шконка и Достоевскому с Толстыми. Но рекордсмен тут некто Лев Николаевич Тургенев, также известный под именем Ярослав Гашек. Был трижды повешен, дважды расстрелян и один раз четвертован дикими повстанцами киргизами у озера Кале-Исых. В честь писателя назван астероид, также есть астероид и под именем «Швейк». Писателям тут хорошо, но драматурги гниют отдельно — ниже их в камере никого нет.

В камеру вталкивают Секретаря суда.

Начальник. Это что за фраер?

Секретарь. План по приговорам не выполнили, вот меня, как Секретаря суда и осудили. Впрочем, ошибка скоро исправится...

Начальник. Скоро?! Ты думаешь, казнь, хоть гильотина, хоть что — это быстро? Думаешь — отрубить голову легко, вжик — и готово? На Западе, может, оно и быстро, а здесь Россия... На отрубание головы заранее надо записываться — за месяц вперед, не позднее, ну и в очереди, конечно, отмечаться. Тут один 25 рублей сверху предлагал, чтобы без очереди пустили.

Голос нар. Пустили?

Смотрящий. Почти. 25 рублей, конечно, взяли, а потом опустили... Ведь все приговоренные равны... А задержки неизбежны — так то, палач в запое. Или топор не подвезли. Или плаха на капитальном ремонте.

Сухово-Кобылин. Сама она, Россия, по себе взятая, бестолкова, ленива, тунеядна, в год полгода праздно шатается, чиновничьим наитием она создана, административными предписаниями она обязана и повязана. Я относительно России пессимист, Я её люблю, жалею, но хую. Мне она всегда была мачехой, но я был ей хорошим трудовым Сыном.

Смотрящий. Пройдемте дальше, товарищи. Здесь у нас игорная зона. Блэджек и прочие прелести. Но главная фишка — пари. Ставку придумал наш постоянный сиделец Блез Паскаль: «Бог есть или нет. На которую сторону мы склонимся? Разум тут ничего решить не может. Нас разделяет бесконечный хаос. На краю этой бесконечности разыгрывается игра, исход которой неизвестен. На что вы будете ставить?».

1) Некоторые заключенные произносят не все гласные.

Секретарь. У меня был чемодан денег, но надзиратели не дали в камеру пронести — мол, запрещено.

Голос со шконки. Ставь, сука!

Блез Паскаль. У меня руки связаны, и я лишен возможности говорить; меня заставляют играть и я лишен свободы; меня не выпускают, а я создан так, что не могу верить. Что же мне теперь делать?

Сухово-Кобылин. Какие еще ставки есть?

Секретарь. Бог с этим блэкджеком. А девицы тут есть? Без девиц, знаете ли в камере смертников скучно.

Начальник. Имеются и девицы — целый хор. Например, три Семеновых и Гачева.

Смотрящий. Но есть нюанс.

Секретарь. Какой еще нюанс?

Смотрящий. Они в соседней камере. Это минус.

Начальник. Но есть и плюс — между нашими камерами стены тонкие — всего по полметра.

Смотрящий. Не будем отвлекаться на девиц, идемте дальше.

Начальник. А это что за старики?

Смотрящий. А тут Гагарины сидят, можно сказать, всем генеалогическим древом. Как аристократы, так и мужики.

Сухово-Кобылин. А где же Федоров?

Смотрящий. В ШИЗО².

Сухово-Кобылин. Что за ШИЗО?

Смотрящий. Никто толком не знает. Из него никто живым не выходил. Впрочем, мертвым тоже.

Голос с нар. За что же его туда? Такой тихий, смирный старичок. Со всеми чифирем с баранками делился.

Начальник. Тихий, смирный, говорите?! Да он подговаривал всех совершить побег из камеры смертников. Дескать, скоро придет час, когда с помощью науки каждый сможет избежать смерти. Если дословно: «Супраморализм разрушает стены тюрьмы и освобождает» и «Человеческая деятельность не может и не должна ограничиваться пределами земной планеты»... Ну, показывайте дальше.

Смотрящий. А тут у нас шахматная секция. Ею руководит известный писатель Солженицын. Он и мастерит шахматные фигурки из хлеба... Особенно удалась ему белая лошадь.

Фальконет. Какое чудо, не хуже моего коня под Медным всадником.

Блез Паскаль. В чем же секрет Мастера?

Смотрящий. Он просто берет кусок хлеба и обгрызает все лишнее.

Голос с нар. На каждую фигурку по две пайки хлеба выходит, а на короля даже пять. Прожорливый, сука.

Смотрящий. Это да. Вот еще Федоров говорил: «Видел я черный, пречерный хлеб, которым, говорили при мне, питались крестьяне в какой-то, вероятно, голодный год. Слышал же я в детстве войны объяснение на мой вопрос об ней, который меня привел в страшное недоумение: на войне люди стреляют друг в друга... Наконец, узнал я не о том, что есть и неродные, и чужие, а что сами родные — не родные, а чужие».

Начальник. Когда же Солженицын все успевает? Ведь ему еще «Архипелаг ГУЛАГ» писать надо.

Голос с нар. А еще Солженицын отправляет малявы на Марс, Юпитер и Нептун. И собирается провести первый в истории мироздания междупланетный шахматный конгресс и межкамерный чемпионат!

Смотрящий. Переходим к главному. Это наш камерный театр. Репертуар не очень обширный, но идеологически выдержанный и созвучный времени:

2) См. ИКЕЯ.

Веселая смерть.
Ошибка смерти.
Победа смерти.

Начальник. Вот вы сказали: «идеологически выдержанный». А ведь уже само название «Ошибка смерти» есть вредительское название — ведь смерть никогда не ошибается.

Смотрящий. Ошибаться можно, врать нельзя.

Начальник. Дерзите, сука? А вы сами эти пьесы читали? Не театр, а сплошной вертеп. Превратили смерть в балаган, понимаешь! А театр — это эшафот!

Голос с нар. Обоснуйте.

Начальник. Зуб даю!

Смотрящий. Теперь посмотрим сценку из комедии-шутки убийца своей полубовницы Сухово-Кобылина «Смерть Тарелкина», которую иногда называют «Веселые расплюевские дни». И, правда, что может быть веселее смерти, братва! В спектакле занят и Ленский 2-й, он уже играл в «Деле». А Маврушу заменяет... Но не будем о грустном.

Тарелкин (*один*). Решено!.. не хочу жить... Нужда меня заела, кредиторы истерзали, начальство вогнало в гроб!.. Умру. Но не так умру, как всякая лошадь умирает, — взял, да так, как дурак, по закону природы и умер. Нет, — а умру наперекор и закону и природе; умру себе в сласть и удовольствие; умру так, как никто не умирал!.. Что такое смерть? Конец страданиям; ну и моим страданиям конец!.. Что такое смерть? Конец всех счетов!

Крики с нар и из зала. Автора! Автора!

Сухово-Кобылин. Что есть автор? Автор — инструмент себя бесконечно реализующего Духа.

Голос с нар. Экие дикари! Кто там взялся выкликать мертвецов из их укромных могил? Вы, господа, тогда уж заодно и Дениса Ивановича Фонвизина вызвали бы на представлении «Недоросля»!

Сухово-Кобылин. Количество потерь в моей жизни превысило допустимые пределы. Со смертью и старостью я спорил пьесой «Смерть Тарелкина», здоровым образом жизни, а также своим философским учением «Всемир и его формула», в котором обоснована и путем математических исчислений доказана возможность перехода человечества, благодаря развитию, в другое качество, качество бессмертия.

Тарелкин. Ты понимаешь ли, верный друг Мавруша, какую я бессмертную штуку играю?

Мавруша. Чего?

Тарелкин. Нет — никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... Ступай, купи еще тухлой рыбы.

Мавруша. Еще! Что ж мало?

Тарелкин. Да — не хватает — ступай!

Расплюев. Именно — вы справедливо, государь мой, заметили: Душа бессмертна.

Тарелкин (*в духе; берет его за руки*). А, — не правда ли? Бессмертна, то есть мертвые не умирают.

Расплюев. Так, так! — Не умирают!! (*Подумавши.*) То есть как же, однако, не умирают?!?..

Тарелкин (*твердо*). Живут... но, знаете, там (указывая) — далеко!..

Расплюев. Да — далеко!.. ну так.

Тарелкин. Нет — никогда твой чухонский мозг этой высоты не поймет... Ступай, купи еще тухлой рыбы.

Мавруша. Я хотела рассказать историю про «День ВСКР».

Начальник. Что за история? Рассказываете, Мавруша, не таясь, представьте, что вы в оперчасти.

Мавруша. Я играю Ирен, а также Майю, в спектакле «Когда мы, мертвые, пробуждаемся». Сочинение Ибсена, перевод с норвежского.

Профессор в законе Арнольд Рубек, скульптор, и его шалашовка Майя недавно вернулись с академии. Пассажиры уже несколько лет живут вместе, но между ними нет настоящей

привязанности. Они ведут довольно скучный образ жизни, но собираются в скором времени отправиться на дело. Всё меняется, когда Рубек встречает свою бывшую модель, Ирену, с которой он сделал свой понт под названием «День воскресения», что заняло 3-4 года строгого режима. За это время между ними возникла глубокая эмоциональная связь, но Ирена кинула Рубека незадолго до окончания работы, не сказав ни слова. Теперь она винит Рубека в том, что тот «вынул из неё душу», думая только о своём шедевре и игнорируя ее даже как биксу. В это же время Майя знакомится с медвежатником Ульфхеймом. Всей кодлой они отправляются на горный курорт, где Ульфхейм увлекает Майю в леса на охоту, чтобы сыграть на гитаре. Рубек и Ирен собираются взойти на гору неземных наслаждений. Ульфхейм предупреждает их, что подъем на когти теперь означает точно зажмуриться; единственное, что может их спасти, это если они укроются в охотничьем малине и будут ждать спасателей. Для Рубека и Ирен не может быть и речи о поиске какой-либо хазы. Их последняя отчаянная попытка найти любовь и воскреснуть из мертвых ведет их прямо на вершину. Спускается лавина и хоронит их вместе. Сквозь шум лавины даже не слышно их криков: «День ВСКР! День ВСКР...».

Начальник. Ну что ж. Мне нравится. Только перед ~~казню~~ премьерой занавес обновите — у вас вся простыня грязная и дырявая.

В камеру вталкивают Дидерота.

Д’Аламбер. О, барин из Парижа приехал!

Голоса с нар.

— Из Парижа?

— Мало там своих гильотин?

— Понаехали тут.

Дидерот. Вовсе я не из Парижа!

— А, Дидро, этот, у которого мозгов ведро?

— Петух галльский.

— В угол его.

— Деточка! А вам не кажется, что ваше место возле парашаи?

Звучит тихая музыка. Дидерот прислушивается.

Дидерот. Что за чудесные звуки слышу я в дальнем углу камеры?

Смотрящий. О, месье, это репетирует наш небольшой оркестр. Прямо сейчас музыканты готовят музыкальное сопровождение двух постановок, о которых мы только что говорили. Как понимаете, оркестровой ямы у нас нет, поэтому музыканты сидят под шконками. Но у нас есть грандиозный план — на Страстную пятницу собираемся сыграть Пятую симфонию Малера — наш судия любит бравурную музыку. Скрипка — князь Гагарин 2-й, флейта — Гачев 1-й. Медная секция — группировка «Ленинград».

Начальник. А ударные?

Смотрящий. Из гроба встает барабанщик.

Начальник. Чтобы пулей! Одна нога здесь, другая там.

Дидерот. А вот я, все же больше люблю песню про Мурку.

Голоса с нар.

— Про кого?

— Про Мурку.

— Дени, про Мурку — это не актуально!

Ленский 2-й.

Это очень ценная гитара: ее делал какой-то мастер австрийский 150 лет назад. Ее купили князя Гагарина, а у них перекупил артист Блюменталь-Тамарин и подарил Дикому Алексею Денисовичу. Эта гитара висела у вдовы одиннадцать лет, она ее не трогала, берегла, как

реликвию. На ней никто не играл. Потом однажды эта самая вдова пошла в какую-то компанию и услышала там песню лагерную мою. Ей это страшно понравилось, потому что она сама сидела четыре года в лагерях, и, значит, ей все знакомо. Она поплакала и сказала: «Приведите!» Я пришел, естественно, с нехорошей целью. Попел несколько песен, а потом говорю: «Вы знаете, мне очень эта гитара нравится...» Она говорит: «Ну, что ж... Я думаю, что Алексей Денисович не расстроился бы...». И отдала мне... Не отдала, а продала, естественно, эту вот гитару. Вот она у меня — гитара князей Гагариных. Что в ней прекрасного — такая вот изогнутая спинка, как у скрипки. Это у гитар уже сейчас не делают. Поэтому у нее такой прекрасный звук.

Звучит песня Михаила Елизарова «Тюремная». Но не с драйвом Михаила Юрича и не голосом-хрипом Владимира Семеныча, а жалостливо, гнусавым приבלатненным голосом.

Льют баланду коцаные тучи,
Как параша лыбится рассвет.
Ссучен я уже или не ссучен?
Я еще в законе или нет?

Не глазами вижу, чую сердцем —
Что-то в ситуации не так,
Кто-то весь зашкварил универсум
И культурный крысанул общак.

Все вокруг без мазы, все краплено,
Всюду петушинные углы.
И глядят опущенные клены
На свои дуплистые стволы.

Сколько было съедено таблеток,
Сколько было выпито вина?!
Мое тело состоит из клеток.
Я по ходу сам себе тюрьма.

Я равняю игреки и иксы
Жизни неприкаянной моей.
И блестят похожие на фиксы
Купола соборов и церквей.

Только не помогут мне иконки,
Не спасут они моей души.
В парке снова заняты все шконки,
Спят на них усталые бомжи.

Спят проспекты, улицы, аллеи
И в бараках, позабыв грехи,
Спят на новых нарах из ИКЕИ³
Чмошники, терпилы и лохи.

И крутить ты можешь так и эдак
Четкое сансары колесо.
Мое тело состоит из клеток.
Я по ходу сам себе СИЗО.

На еще пустой проезжей части
Ветер гонит рваный целлофан,
Прошмыгнула жужа белой масти,
Сразу ясно — чмо, а не пацан.

Блещет лужа чистая как прорубь,

3) Внесена в список экстремистских организаций.

Как река холодный тротуар.
По нему гуляет птица голубь
И не отвечает за базар.

Нету недоверия и злобы,
На душе одна усталость лишь.
Девушка в красивой миниробе,
Ты куда хорошая, спешишь?

Как оно сидеть на малолетке?
Поняла наверное сама.
Твое тело — это только клетки.
Твое тело — это Колыма.

Сколько одноразовых салфеток?
Сколько многоразовых бумаг?
Мое тело состоит из клеток.
Я по ходу сам себе ГУЛАГ⁴.

Начальник. Хорошая песня — можно исполнять в годовщину нашей тюрьмы.

Сухово-Кобылин. Основной формой нервной клетки является форма шара.

Гагарин 1-й. В себе человек — в своей нервной системе — носит образец регуляции вселенной.

Начальник. Нервной вселенной? Хорошая метафизическая шутка.

Смотрящий. А здесь у нас тату-салон.

Начальник. И что, есть посетители? Неужели есть желающие украсить свое брненное тело перед смертной казнью?

Смотрящий. Заказов — море. Самое востребованное, конечно, купола — вечная классика. Федька-каторжный весь набит ими как кафедральный собор, Лева Яснополянский, наоборот, все купола свел. А вот Федоров заказал выколоть себе за один день обыденный храм, да еще татушку в виде коперниканской системы — прямо ходячая иллюстрация к своим сочинениям.

Голос с нар. А у нас давеча Сухово-Кобылин, крестник Александра Первого, сделал татушку в виде Луизы — им убиенной полюбовницы. Вся камера плакала.

Дидерот. А что сейчас в моде?

Смотрящий. Хорошо идут тату под расписные стены Московского Кремля. Но сейчас в тренде все больше марсианская тематика. Вот, к примеру, повешенный за злодейское убийство Царя-Освободителя Александра Второго, Кибальчич сначала делал чертеж ракетного двигателя на стене камеры, а сейчас выбил наколку-панораму в виде марсианской станции.

Начальник. Восходящая эволюция налицо.

Смотрящий. Чудны твои дела, Начальник!

Дидерот. Посмотрите, какая филигранная работа! Хоть к нам в «Салон».

Смотрящий. Над эскизом работало целое преступное объединение художников-космистов — Амаравелла.

Гагарин 2-й. А как выписан посадочный модуль, а как хороши марсианские яблоньки — целый сад!

Фальконет. Но особенно удались портреты: на левой груди повешенного революционера наколот профиль нашего Императора, а на правой — анфас Капитан-командора марсианской экспедиции.

Станция на Марсе

4) См. ВСКР.

Доброедка. Добрый день мои родненькие православные дальнзрители! Коротко напомним историю освоения Марса русским человеком. Ровно двести лет назад ракета-носитель «Анастасия», расписанная под гжель, доставила первую в мире экспедицию на Марс. В ее составе было всего два человека — российские верноподданные — мужчина и женщина. За два века марсианская колония чрезвычайно разрослась, образовав Марсианскую губернию Российской Империи. Стало доброй традицией на Пасху проводить ежегодные прямые линии связи между Самодержцем Всероссийским и капитаном-командором Первой Императорской Марсианской Станции (ПИМС). Наш Император находится в Центре управления полетами на Марс (ЦУП-М), который расположен в Соборе святой Софии в Константинополе (СССК), исконно русском городе, слава Всевышнему. Тем самым осуществлены планы Федорова по соединению храма и обсерватории, а на Марсе, как и на Земле, воплощены идеи всеобщей регуляции. Итак, в прямом эфире космический дальномост Земля-Марс!

Император. Улля, улля, марсиане!

Капитан-командор. Воистину улля, улля!

Император. Сегодня двойной праздник — Пасха и, совпавшая с ней, 200-летняя годовщина прибытия на Марс первой русской междупланетной экспедиции — День основания ПИМС. Это день, когда мы отмечаем достижения Российской Империи в духовной сфере и в области марсонавтики. Сейчас без марсонавтики невозможно решить вообще ни одной задачи эффективно на Земле: это и всеобщая регуляция, это умиротворение, это расселение все возрастающего населения Империи, которое совсем скоро будет прирастать и воскрешаемыми поколениями. И, конечно, сюда входит и создание эффективной внеземной пеницитарной системы. В общем, куда пальцем ни ткнешь, везде есть применение космическим технологиям. Империя не жалеет на освоение космоса денег, совсем скоро, уже в этом тысячелетии, будет сдана в эксплуатацию вторая очередь космодрома «Юго-Западный». Среди наших космических программ особенно выделяется марсианская. Кроме задач духовных — нести свет православия на другие планеты, она решает и важную задачу защиты традиционных ценностей от тлетворного влияния англосаксов на временно оккупированных территориях Юпитера и Сатурна. Я хочу вас поздравить с праздниками, вас и, как в таких случаях говорят, в вашем лице всех, кто работает на Марсе, — марсонавтов, государственных слушателей⁵, священнослужителей, работников правоохранительных органов, крепостных... Улля, улля, марсиане!

Капитан-командор. Воистину улля, улля! Я хочу со своей стороны тоже поблагодарить вас за такой единосущный проект. Я понимаю, что на нас лежала все-таки большая ответственность, и было очень радостно и приятно участвовать в нем. Поскольку я, действительно, считаю себя человеком Империи, я не могу разделить наши планеты никак. И то, что мы так совместно работаем, работаем очень просто, на каких-то человеческих отношениях, очень дорогого стоит.

Император. Как складываются отношения с жителями Марса?

Капитан-командор. Отношения с марсианами, как и с другими инородцами, строить было легко. Тем более, что ни одного коренного марсианина мы еще не встретили.

Император. Но и проблемы есть? Не так-ли? Начните с главного, говорите не тая. Ошибаться можно, врать нельзя.

Капитан-командор. Вот марсонавт Петров за раз утащил 10 мешков яблок.

Император. Как же он утащил? Ведь это больше 350 фунтов.

Капитан-командор. Так точно, Ваше Величество, 150 килограммов. Но это по земным меркам. А на Марсе, осмелюсь заметить, сила тяжести в 2,5 раза меньше, чем на Земле. Таким образом он поднял всего 60 кило.

Император. Но судить этого, как его..., Петрова, надо по земным меркам — по всей строгости российских законов!

5) Очевидная ошибка стенографистки. Следует читать: государственных служащих.

Капитан-командор. Полностью согласен, Ваше Величество! Марсонавт Петров уже лишен звания марсонавта 3-й ступени, закован в гравитационные кандалы, помещен в специальную аэрокосмическую клетку и будет доставлен на Землю в особом арестантском вагоне со второй космической скоростью.

Входит секретарь Императора, подает ему бумагу. Тот читает, немного меняется в лице.

Император. Вот незадача. Мне доложили, что Петров еще вчера во всем сознался и был приговорен к смертной казни. Или, если быть совсем точным, — сначала приговорен, потом сознался.

Капитан-командор. Так что с моим-то Петровым делать?

Император. Немедленно отправить одного опасного преступника в Москву под усиленной роботизированной человекоподобной охраной. И не со второй космической скоростью, а с третьей, а еще лучше с пятой!

Капитан-командор. Слушаюсь, Ваше Величество! Но есть нюанс.

Император. Какой еще нюанс?

Капитан-командор. Бывший марсонавт Петров стар и болен, боюсь не выдержит космической скорости выше второй.

Император. Как императорские яблоки таскать — так здоров, а отвечать за свои дела — больной? Ну, а если и умрет, на все воля Божия. Бабы новых Петровых нарожают... Кстати, Петров не ваш родственник?

Капитан-командор. Да так, седьмая вода на киселе — праотец.

Император. Сын за праотца не отвечает!

Капитан-командор. Понял, Ваше Величество! Немедленно дам указание нашим баллистикам рассчитать новую необходимую траекторию на интеллектуальной машине Корсакова. Вжик — и готово.

Император. Какие еще серьезные проблемы есть, говорите не тая!

Капитан-командор. Да, есть еще проблемы. Точнее проблемки. Можно сказать, микроскопического размера.

Император. Ну же.

Капитан-командор. Проблема доставки овса марсианским лошадям, поскольку марсианские дороги разбиты из-за проливных искусственных дождей, а ритейлеры заламывают цены в 2-3 раза выше земных, ссылаясь на марсианскую силу тяжести и песчаные бури.

Император что-то записывает в блокнот.

Император. Вопрос доставки овса на Марс беру под личный контроль.

Капитан-командор. Кроме того, перехвачен зонд с Сатурна с вольтерьянской и марксистской литературой, а также 9 томами Дидерота.

Император. Сожгли?

Капитан-командор. Никак нет. В атмосфере Марса мало кислорода — книги не горят. Но наши ученые работают над этим.

Император. Англичанка гадит уже с Сатурна. Это переходит все мыслимые красные линии на красной планете. Заявим решительный протест по линии Министерства межпланетных сношений.

Капитан-командор. Это было бы своевременно и эффективно, как никогда.

Император. А что с культуркой на Марсе?

Капитан-командор. Музей истории колонизации Марса есть. Теперь вот театр открываем. Очень бы хотели, чтобы он стал Императорским. ПМАТ — Первый Марсианский Академический Театр — звучит!

Император. Что в репертуаре?

Капитан-командор. «Жизнь за Царя», «Медная бабушка» и пьеса о Федорове.

Император. Крепко!.. А что за чудесную музыку я слышу вдалеке?

Капитан-командор. Старинная русская народная песня. Исполняет марсонавт в сопровождении хора девиц-марсианок.

Марсонавт поет, аккомпанируя себе на гитаре.

Ему подпевают хор девиц-марсианок.

Жить и верить — это замечательно!
Перед нами небывалые пути.
Утверждают космонавты и мечтатели,
Что на Марсе будут яблони цвести!

Хорошо, когда с тобой товарищи,
Всю вселенную проехать и пройти.
Звёзды встретятся с Землёю расцветающей,
И на Марсе будут яблони цвести!

Я со звездами сдружился дальними!
Не волнуйся обо мне и не грусти.
Покидая нашу Землю, обещали мы,
Что на Марсе будут яблони цвести!

Император. В заключение хотел бы спросить: о чем мечтаете, вы, Командор?

Капитан-командор. Конечно, вернуться на Землю, чтобы лично лицезреть Ваше ЕИВ, потом в Москву — полюбоваться на расписные стены Кремля, а вечером посидеть в уютной московской гостиной.

Император. До встречи на родной земле!

Доброедка. На этом закончен наш прямой дальновизорский эфир Земля-Марс, Константинополь-ПИМС.

Московские гостиные

Воскресный вечер. Типичная московская гостиная средней руки, человек на 300-400, больше напоминающая музей. Все гости сидят или лежат на диванах.

Входит Доброедка, потирая коленку.

Доброедка. Господа! Начальник упомянул Федорова!

Голоса. Как Федорова? Какого Федорова?

Доброедка. Николая Федоровича. Вот что сказал Начальник: «Все мы хотим одного — блага России. И отношения бизнеса и государства должны строиться на философии общего дела, на партнёрстве и равноправном диалоге».

Голоса.

— Давно пора.

— Красавчик.

— Все он правильно сказал.

Гость. Да, Федоров уважал бизнес. Дело — это главное.

Пометкин-Нахтигальский. Общее дельце? Организуем в лучшем виде.

Доброедка. В московских гостиных вслух читают Николая Федорова.

Голоса. Ничего кроме Федорова. Виват Федоров!

Доброедка. Господа! Срочно включайте телевизор.

Гость. Какой канал?

Пометкин-Нахтигальский. 1-й Скрепный. А разве другие есть?

Пометкин-Нахтигальский и Сухово-Кобылин появляются на экране ТВ.

Пометкин-Нахтигальский. Итак, игра «Кто хочет стать миллионером?». Но сегодня мы разыгрываем не рубли и даже не никому не нужные доллары. Участник должен ответить на 15 вопросов, связанных с учением Федорова. На каждый вопрос предлагается по 4 возможных ответа, только один из которых является правильным. После неправильного ответа игра завершается. За каждый правильный ответ полагается от 500 до 3 миллионов дополнительных лет жизни. Два результата в 5 тысяч лет и 100 тысяч лет являются несгораемыми. Если вы не знаете правильный ответ или не уверены в нем, можете попросить «помощь зала», выбрать «50 на 50» или совершить «звонок другу». Три миллиона лет жизни — главный приз.

Как называется главный труд Федорова?

- Голое тело.
- Общее дело.
- Общее тело.
- Плевое дело.

Любимое блюдо Федорова?

- Курица.
- Баранки.
- Баранья лопатка.
- Салат оливье.

Кто был Федоров?

- Монах.
- Библиотекарь.
- Большевик.
- Драматург.

Кто был отцом Федорова?

- Отец Федор.
- Николай Федоров.
- Князь Гагарин.
- Князь Мышкин.

В Царствие Небесном будут?

- Блаженные.
- Нищие.
- Из списка Форбс.
- Завсегдатаи московских гостиных.

Как скоро наступит Страшный Суд?

- Вчера.
- Сегодня.
- Завтра.
- Никогда.

Что обосновал Федоров?

Регуляцию.
Приватизацию.
Цифровизацию.
Аннигиляцию.

Что является целью учения Федорова?

Всеобщие воскрешение.
Всемирная революция.
Всеобщее удушение.
Всеобщее равенство.

Что нужно быстро строить?

Обыденный храм.
Театр.
Космодром.
Тюрьму.

Какое место Федоров посетил в конце жизни?

Мальдивы.
Кавказ.
Памир.
Тибет.

Кто был первый космонавт?

Григорий Гагарин.
Иван Гагарин.
Павел Гагарин.
Юрий Гагарин.

Какой-чин имел Федоров?

Коллежский ассессор.
Тайный советник.
Капитан-командор.
Коллежский регистратор.

Дело воскрешение — чей долг?

Государственный.
Коммунальный
Супружеский.
Сыновний.

Где находится могила Федорова?

У Кремлевской стены
На Новодевичьем кладбище
Могила утрачена
На Марсе

Какая библиотека носит имя Федорова?

Российская Императорская Библиотека.
Библиотека имени В.И. Ленина.
Библиотека имени Б.Н. Ельцина.
Библиотека №180 Юго-западной полицейской части гор. Москвы.

Воеет финальная сирена.

Ведущий. 3 миллионов дополнительных лет жизни получает... Получает 3 миллиона дополнительных лет...

Пометкин-Нахтигальский. Хватит играть, господа!

Доброедка. Нам предстоит действительно важная задача. Готовится Указ об обязательном всеобщем воскрешении. Нам действительно посчастливилось оказаться в первых рядах.

Гость. Так понимаю, воскрешение теперь в повестке Кремля.

Доброедка. А от Указа до воскрешения — один шаг.

Голоса. Перед воскрешением нас ничего не остановит, даже смерть.

Гость. Кого первого воскрешать будем?

Доброедка. Станный вопрос.

Пометкин-Нахтигальский. Можно сказать, провокационный.

Доброедка. Конечно, в первую очередь воскресим Начальника.

Капитан-командор. Господа, воскрешать, конечно, патриотично, но есть нюанс.

Гость. Какой еще «нюанс»?

Капитан-командор. Чтобы кого-то воскресить, надо прежде кого-то умертвить.

Голоса.

— Не вижу проблемы.

— Дело-то пустяшное.

— Да, плевое дело.

— В первый раз, што ли?

Доброедка. Кто возьмется?

Капитан-командор. Каждый из нас почтет за честь, но может, все-таки пригласить профессионала?

Пометкин-Нахтигальский. Да, пожалуй, новичок здесь не подойдет.

Доброедка. Давайте Сухово-Кобылину поручим, он, вроде любовницу ловко зарезал.

Голоса.

— Ничего себе ловко, сколько кровищи было.

— Да, этим драматургам ничего доверить нельзя.

— И, прежде чем умерщвлять Начальника, предлагаю потренироваться на ком-нибудь, совсем уж никчемном.

— На ком?

— Может кого из дворни?

Гость. Нельзя. Кто тогда будет коктейли мешать или дорожки посыпать?

Доброедка. Да, скользко сегодня. Шла сюда, епнулась, коленку разбила.

Гость. Надо было драматурга Петрова позвать.

Голоса.

— Или, на худой конец, философа Гачеву.

— Да никчемнее драматургов или философов трудно кого найти.

— Да как их пригласишь? Они же даже первую линию фейсконтроля московских гостиных не пройдут.

— Собственными руками душил бы драматургов.

— С Петровым понятно. Что с Гачевой делать?

— Сжечь ведьму.

— Принимается. Сразу после вечернего эфира приступим.

Доброедка. Кстати, Петров не родственник ли нашего лакея?

Пометкин-Нахтигальский. Петров, э-э, любезный, ты знаешь Петрова?

Лакей. Помилуйте, это ж сын мой.

Пометкин-Нахтигальский. Такое горе для семьи.

Лакей. Как говорил Дидерот, природа на детях отдыхает.

Доброедка. Ты, болван, знаешь, кто такой Дидерот?

Лакей. Французский любомудр. Они к нам в имение батюшки князя Павла Ивановича Гагарина приезжали. Аккурат, когда Федоров родился.

Доброедка. Какие будут конструктивные предложения по кандидату на умерщвление?

Пометкин-Нахтигальский. Инициатива наказуема.

Капитан-командор. И умертвить нужно прямо сейчас, не отходя от кассы. Как писал Федоров:

Трудность восстановления для каждого поколения того поколения, которое непосредственно ему предшествовало, совершенно одинакова; ибо отношение нынешнего поколения к своим отцам и того поколения, которое первое достигнет искусства восстановления, к его отцам точно такое же, как наших прапрадедов к их отцам. Хотя первый воскрешенный будет, по всей вероятности, воскрешен почти тотчас же после смерти, едва успев умереть, а за ним последуют те, которые менее отделились тлению, но каждый новый опыт в этом деле будет облегчать дальнейшие шаги.

Пометкин-Нахтигальский. Нужен свежачок.

Все смотрят на Доброедку.

Доброедка. Что вы так на меня смотрите? Меня нельзя воскрешать — у меня вечером прямой эфир.

Пометкин-Нахтигальский. Давайте посчитаемся. Я отличную считалку знаю в тему.

Вышел месяц из тумана,
Вынул ножик из кармана.
Буду резать, буду бить —
Всё равно тебе водить!

Гость. Нельзя доверять смерть воле случая.

Доброедка (*Капитан-командору*). Вот что. Э-э, любезный, как вас там? Вы когда на Марс возвращаетесь?

Капитан-командор. К Пасхе.

Голоса.

— Вот и ладненько.

— Если сейчас вас умертвим, то к Пасхе как раз и воскреснет.

— Ваше кредо?

— Всегда!

— Россия вас не забудет!

Все, как вуйдалаки, со всех сторон обступают капитан-командора. Кто с ножом и вилкой, кто с канделябром, кто просто тянет к нему голые руки.

Доброедка. Может, командор, сказать о чем напоследок хочешь, али попросить о чем?

Капитан-командор. Я верю: наступит День ВСКР, да здравствует Император!

Командор падает, истекая кровью.

Пометкин-Нахтигальский. Так, главное дело воскрешения сделано — труп есть.

Доброедка. Остается за малым. Кто воскрешать будет?

Голоса.

— Я не умею.

— Я тоже.

— Не господское дело — воскрешать.

Лакей. В прежнее время покойников сушили, мочили, мариновали, варенье варили, и, бывало...

Пометкин-Нахтигальский. Помолчи.

Лакей. И, бывало, сушеных покойников отправляли в Москву и в Харьков.

Доброедка. Да что Харьков. Полмира трупами кормили.

Лакей. Денег было! И сушеные покойники тогда была мягкие, сочные, сладкие, душистые... Способ тогда знали...

Гость. А где же теперь этот способ?

Лакей. Забыли. Никто не помнит.

Сухово-Кобылин. До сих пор в России были только господа и мужики, а теперь появились еще покойники. Все города, даже самые небольшие, окружены теперь кладбищами. И можно сказать, покойник лет через двадцать размножится до необычайности. Теперь он только кровь пьет на балконе, но ведь может случиться, что на своих трех аршинах он займется хозяйством, и тогда ваше кладбище станет счастливым, богатым, роскошным...

Лакей. Какая чепуха!

Доброедка. Пока импортозамещение в области воскрешения временно работает не в полной мере, предлагаю пригласить графа Калиостро.

Пометкин-Нахтигальский. Господа, а пока граф в пути, предлагаю закусить, чем Бог послал.

Лакей. Курица подана!

Доброедка. Мне пришлось отведать хвост бобра — известное лакомство. Покрытый землей, с черной засохшей кровью, он был принесен и под яблонями, бывшими тогда в цвету, хвост его, покрытый чешуйками и редким волосом, был изжарен.

На импровизированную сцену, устроенную в светской гостиной, торжественно восходит маг. Он невысок, пухл и как-то по-крестьянски кряжист, но его осанка величавая, короткопалые руки, как у реального пацана, унижены перстнями с бриллиантами немислимого размера, а главное, его прямого взгляда никто не может вынести — столько магнетизма в его глазах.

Калифалкжерстонь. Исцеляю, воскрешаю, превращаю нефть и газ в золото.

Пометкин-Нахтигальский. Уважаемый, нефть и газ в золото мы и сами превращать можем. Что у вас еще в портфолио?

Калифалкжерстонь. Еще исцелил одного бесноватого, которого родственники давно посадили на цепь, так как он, объявив себя Богом Саваофом, бил всех смертным боем и при этом рычал. Лечение состояло в следующем: Я подошел к больному и со словами «Я — Марс» надавал ему оплеух. А затем велел связать, укутать в бараний тулуп и везти на Неву. Там бесноватого погрузили в лодку, а посреди реки я выбросил его в ледяную воду. Через минуту больного выловили баграми, откачали, и рассудок к нему вернулся.

Доброедка. Что насчет превращения трупа в живое тело?

Калифалкжерстонь. Аvek плезир!.. Все примут горячее участие!

Калиостро делает пасы. Опускает руки на голову Капитан-командора... и ничего не происходит.

Странно, ничего не вышло!

Голоса:

— Обманщик.

— Проходимец.

— Иноагент.

Гость. Щас тебя самого на воскрешение пустим.

Доброедка. Господа, будьте милосердны к графу, проявите хоть каплю человеколюбия. Ну ошибся, ну с кем не бывает. Лицемерить можно, врать нельзя. Подумаешь, трупом больше, трупом меньше. Бабы новых космоплатов нарожают.

Все. Нарожаем, сколько надо.

Пометкин-Нахтигальский. Да ладно, не переживайте граф, на наш с вами век трупов и простофиль хватит!

Доброедка (*усаживаясь на подоконник*). Родненькие мои, как все-таки хороша наша Москва — Москва Николая Федоровича Федорова.

Вот опять небес темнеет высь,
Вот и окна в сумраке зажглись.
Здесь живут мои друзья,
И, дыханье затая,
В ночные окна вглядываюсь я.

Я могу под окнами мечтать,
Я могу, как книги, их читать, —
И заветный свет храня,
И волнуя, и маня,
Они, как люди, смотрят на меня.

Я, как в годы прежние, опять
Под окном твоим готов стоять.
И на свет его лучей
Я всегда спешу быстрее,
Как на свиданье с юностью моей.

Я люблюсь вами по ночам,
Я желаю, окна, счастья вам...
Он мне дорог с давних лет,
И его яснее нет —
Московских окон негасимый свет.

Семинар

28 декабря, Москва, Библиотека №180 им. Н.Ф. Федорова ОКЦ ЮЗАО.

Стол (как в каталожной).

Гачева 2-я. В годовщину кончины Николая Федоровича Федорова у нас обширная повестка:

О Федоровском движении и его участниках.

Поминальный список участников семинара.

Доклад Петрова «Воскресительная миссия театра» и читка его пьесы «День ВОСКР».

Открытие ВСКР-выставки.

Новогодний бал, хотя сейчас и Рождественский пост.

Гачева 2-я коротко, часа за два, рассказывает о федоровском семинаре, зачитывает, как на литургии, список имен космистов.

Гачева 2-я. Переходим к чтению и обсуждению пьесы Петрова. Читаем медленно, вдумываясь и комментируя каждую фразу.

Петров (*начинает читать пьесу*).

Посетитель (*раздраженно*). Что вы тут делаете? Могу я видеть Федорова?... Что тут делает Петров?

Библиотекарь. Сегодня, 15 декабря 1903 года Николай Федорович Федоров скончался...

Звучат еле слышимая мелодия вальса.

— Что происходит на свете? — А просто зима.

— Просто зима, полагаете вы? — Полагаю.

Я ведь и сам, как умею, следы пролагаю

в ваши уснувшие ранней порою дома.

— Что же за всем этим будет? — А будет январь.

— Будет январь, вы считаете? — Да, я считаю.

Я ведь давно эту белую книгу читаю,

этот, с картинками вьюги, старинный букварь.

Гачев 2-й. Вальс — да это же космический танец! Прodelываем вращения двух родов: вокруг своей оси (с партнером мы — воссоединенный целостный человек, «андрогин» платонов) и по кругу зала — то есть в вальсе мы равны. Земле, земному шару, что и вокруг своей оси вращается, по орбите вокруг Солнца. В этом — упоение вальса: его захватывающее дух кружение — той же природы, что и коловращение Земли; мы ей равны в танце, ей подражаем, ее собой чувствуем. В вальсе мы — само совершенство. Отсюда само- и взаимовосхищение в нем. И не даром в послекоперниканской городской Европе так развился этот танец и перешагнул все границы, давая всем чувство причастия к универсуму: чуют себя не немцами и русскими, а — землянами» и «солнцарамю»... Такт на три есть «троица» — совершенное и полное число: ибо лишь тремя точками можно осуществить поворот кругом...

Музыка звучит громче. Сергей Петров подходит к Анастасии Гачевой.

И вот они уже кружатся, все убыстряясь, в вальсе.

— Чем же все это окончится? — Будет апрель.

— Будет апрель, вы уверены? — Да, я уверен.

Я уже слышал, и слух этот мною проверен,

будто бы в роще сегодня звенела свирель.

— Что же из этого следует? — Следует жить,

шить сарафаны и легкие платья из ситца.

— Вы полагаете, все это будет носиться?

— Я полагаю, что все это следует шить.

От куплета к куплету музыка звучит все громче и громче. В нескончаемый танец вовлекаются все новые и новые члены философского семинара Н.Ф. Федорова.

— Следует шить, ибо сколько вьюге ни кружить, недолговечны ее кабала и опала.

— Так разрешите же в честь новогоднего бала руку на танец, сударыня, вам предложить!

— Месяц серебряный, шар со свечою внутри,
и карнавальные маски — по кругу, по кругу!
— Вальс начинается. Дайте ж, сударыня, руку,
и — раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три,
раз-два-три!..

*Мелодия все нарастает, сквозь нее уже не разобрать слов танцующих.
До зрителей лишь долетает еле слышные возгласы: «День ВСКР... День ВСКР...».*